

Годъ XXX.

1—15 мая.

СМОЛЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ два раза въ
мѣсяцъ.

№ 9.

Цѣна годовому изданію
4 руб. 50 коп.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшія повелѣнія.

Государь Императоръ, въ 26-й день минувшаго марта, Высочайше соизволилъ на увольненіе преосвященнаго митрополита Московскаго **Сергія** во ввѣренную ему епархію.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Мннстромъ Финансовъ ходатайства Синодальнаго Оберъ-Прокурора о дополнительномъ отпускѣ изъ Государственнаго Казначейства денежныхъ средствъ въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ, въ 1^о-й день февраля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: отпустить изъ суммъ Государственнаго Казначейства *триста пятьдесятъ тысячъ рублей* въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Преподало Архипастырское благословеніе, съ выдачею свидѣтельства: церковному старостѣ села Богдановщины, Вяземскаго уѣзда, мѣшанину *Ивану Николаеву Озолу* за пожертвованіе и заботливость о приходскомъ храмѣ.

Преподало Архипастырское благословеніе, безъ выдачи свидѣтельствъ: 1) вдовѣ чиновника *Матрени Макарев-*

ской за пожертвованіе въ церковь с. Рожни, Бѣльск. у., священническаго облаченія и 2) прихожанамъ с. Безобразова, Юхновскаго уѣзда, за пожертвованіе ими 1700 р. на пріобрѣтеніе колокола для приходской церкви.

Пожертвованіе на храмъ.

Священникомъ села Елисеевичъ, Духовщинскаго уѣзда, Н. Четыркинымъ сообщено редакціи нашихъ Вѣдомостей, что протоіереемъ о. Іоанномъ Сергіевымъ (Бронштадтскимъ) пожертвовано, въ апрѣль мѣсяцѣ 300 р., на строящійся въ нихъ селѣ храмъ во имя святителя и чудотворца Николая.

Резолюціею Его Преосвященства опредѣленъ на священническое мѣсто, оконч. курсъ Смолен. дух. семинаріи Александръ Соколовъ къ церкви с. Мамошекъ, Порѣцк. у.

Перемѣщенъ, согласно прошенію: діаконъ села Ніелова. Дорогобужскаго уѣзда, Иванъ Розовъ къ церкви села Ратчины, Духовщинскаго уѣзда.

Умерли: 1) свящ. с. Сокорева, Порѣч. у., Василій Галковский; 2) діаконъ с. Дятлова, Гжат. у., Іоаннъ Смирновъ и 3) діаконъ с. Остриць, того же уѣзда, Василій Потемкинъ.

С п и с о к ъ

лицъ и учреждений, доставившихъ пожертвованія въ Смоленскій епархіальный Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1894 года.

Сычевскій у. благочинный Іаковъ Поповъ, при рапортахъ отъ 18 февр. за №№ 118—121: а) пожертв. по 12 подпискамъ 43 р. 4 к., б) круж. сбора на распротр. Правос. за 1893 г. 6 р. 15 к., в) пожертв. на Япон. миссію 10 15 к. и г) членскіе взносы: отъ себя 3 р. и священни-

Иоанна Богдавленскаго 3 р.; казначей комитета Алексѣй Глѣбовъ — доставленные ему членскіе взносы отъ слѣд. лицъ: купца Павла Михайл. Лукина 3 р., жены его Евдокіи Ив. Лукиной 3 р., вкрест. Павла Трофим. Павлова 3 р., учит. Антонины Иван. Орловой 3 руб. и купца Василя Алексѣевича Дѣвкина 3 р., Смоленскій у. благоч. Николай Жегаловъ, при отношеніяхъ отъ 5 марта за №№ 99 и 100: а) круж. сбора за 2-ю полов. 1893 г. на распр. Правосл. въ Имп. 5 р. 35 к. и б) собранныхъ за 2-ю полов. 1893 г. въ пользу Японской миссии 7 р. 5 к.; Смоленскій каедр. протоіерей Никандръ Ивановъ, при рапортѣ отъ 8 марта, тарелочн. сбора въ нед. Правосл. 25 р. 80 к.: Бѣльскій у. благоч. Николай Смирновъ, при отношеніяхъ отъ 28 февр. за №№ 89 и 90. а) членскіе взносы: самого благоч. 3 р., вкрест. Θεодосія Лазаревскаго 3 р., двор. Семена Василя Острицкаго 3 р. и свящ. Дмитрія Плаксина 13 р., б) пожерт. по 9 подписн. листамъ 10 р. 4 к. и в) круж. сбора за 1893 г. на распротр. Прав. 7 р. 30 к.; и. д. настоятеля Юхновскаго Казанскаго монастыря іеромонахъ Меркурій, при рапортѣ отъ 6 мар. за № 22, тарел. сбора въ нед. Правосл. 5 р.; Рославльскій град. благоч. Алексѣй Щукинъ, при отнош. отъ 7 марта за № 32, тарел. сбора въ нед. Правосл. 5 р.; Смоленскаго Вознесенскаго монастыря игуменія Сергія, при рапортѣ отъ 10 марта за № 16, тарел. сбора въ нед. Прав. 12 р. 65 к.; контора Ярцевской мануфактуры, при отнош. отъ 7 марта, тарел. сбора въ Ярцевской фабричной церкви въ нед. Прав. 20 р.; въ общемъ собраніи 12 марта по 2 подписнымъ листамъ доставили членскіе взносы: Гурій епископъ Смоленскій 15 р., Аделаида Александровна Фонъ-Зигель 3 р., Владиміръ Θεодоровичъ Тиленъ 3 р., свящ. Іоаннъ Соколовъ в.-Никол. ц. 3 р., ставленникъ во свящ. Але-

ксандръ Руженцевъ 3 р., діаконовъ Іоаннъ Войниловичъ 3 р.,
діаконовъ Георгій Марковъ 3 р., мѣщ. Данилъ Макаровъ 3 р.,
архимандритъ Порфирій 3 р., іеромонахъ Серапіонъ 3 р.,
надв. сов. Алексѣй Степановичъ Глѣбовъ 3 р., свящ. Ми-
хаилъ Брапухия 3 р., свящ. Іоаннъ Воронковъ 3 р., стат.
сов. Иванъ Петровичъ Сперанскій 3 р., свящ. Романъ Бѣ-
ляевъ 3 р., архимандритъ Иннокентій 3 р., свящ. Петръ Ко-
нокотинъ 3 р., прот. Димитрій Ширяевъ 3 р., врачъ Ни-
колай Алексѣевичъ Строгоновъ 3 р., прот. Никандръ Ива-
новъ 3 р., колл. сов. Василій Андреевичъ Добротворскій
3 р., купецъ Иванъ Васильевичъ Алтуховъ 3 р., свящ. Вла-
диміръ Сеньковскій 3 р., свящ. Іоаннъ Смирновъ 3 р., чи-
нов. Николай Никитичъ Ерыхайловъ 3 р., прот. Василій Бѣ-
лавенцевъ 3 р., свящ. Стефанъ Каверзневъ 3 р., прот. Ва-
силій Соколовъ 3 р., директ. гимн. Антонъ Антоновичъ Пре-
чанъ 3 р., жена его Надежда Николаевна Пречанъ 3 р.,
чин. Михаилъ Егоровичъ Заблоцкій 3 р., куп. Феодоръ Пет-
ровичъ Снявскій 3 р., прот. Петръ Ивановичъ Черепнинъ
3 р., свящ. Симеонъ Четыркинъ 3 р., іеромонахъ Петръ 3 р.,
іеродіаконовъ Леонтій 3 р., свящ. Іоаннъ Соколовъ Петроп. ц,
3 р. и свящ. Андрей Спиридоновъ каѳ. соб. 3 р.; 13, 14
и 15 марта доставили член. взносы: іеромонахъ Митрофанъ
3 р., губ. секр. Петръ Егоровичъ Ооминъ 3 р., іеромонахъ
Іаковъ 3 р., и чинов. Василій Петровичъ Клитинъ 5 р.;
Ордынскій игумень Іоаннъ, при отнош. отъ 9 марта за №
35, тарел. сбора въ нед. Прав. 7 р.; Краснинскій у. благоч.
Л. Максимовскій, при отнош. отъ 10 марта за № 36, тарел.
сбора въ нед. Правосл. 13 р. 50 к.; Сычевскій град. прот.
А. Мирмиковъ, при отн. отъ 9 марта за № 45, тарел. сб.
въ нед. Прав. 27 р., 65 к.; Юхновскій у. благоч. Михаилъ
Пелчаниновъ, при отношеніяхъ—отъ 15 янв. за № 48 и
отъ 5 марта за № 233: а) круж. сбора на распротр. Прав.

за 1893 г. 17 р. 4 к., б) членскіе взносы: свящ. Василя Уклонскаго 3 р. и свящ. Никанора Станкевича 3 р. и в) пожерт. по 15 подпис. листамъ 24 р. 36 к.; казначей комитета Алексѣй Глѣбовъ, при рапортѣ отъ 16 марта проценты за 1892 и 1893 г. на комитет. суммы, хранящіяся въ мѣстн. отдѣленіи Госуд. банка по расчетной книжкѣ за № 3042—91 р. 5 в. и б) по 53 купонамъ отъ принадлежащихъ комитету 19-ти 5% облигацій (по 100 р.), за вычетомъ 5% госуд. сбора, —125 р. 87 к.; протоіерей Георгіевской г. Смол. церкви Василю Пашинъ 16 мар.—2 р.; причтъ и церк. староста Іоанно-Богословской гор. Смол. церкви, при рапортѣ отъ 17 марта за № 9: а) тарел. сбора въ нед. Прав. 3 р. и б) пожертв. по подпис. листу 1 р. 30 к.; Вяземскаго Предтечева монастыря архимандритъ Валеріанъ, при отнош. отъ 14 мар. за № 36, тарел. сбора въ нед. Правосл. 4 р.; помощникъ Росл. град. благочиннаго, свящ. М. Протопоповъ, при рапортѣ отъ 17 марта за № 81: а) членскіе взносы: свящ. Василя Юденича 3 р., діакона Георгія Мурашкина 3 р., мѣщ. Григорія Димитр. Данилова 3 р., свящ. Клавдія Булюкина 3 р. и самого свящ. Протопова 3 р. и б) пожертв. по подпис. листу 1 р. 45 к.; Рославл. игумень Вонифатій, при рапортѣ отъ 16 марта за № 24, тарел. сбора въ нед. Правосл. 10 р. 62 к.; онъ же член. взносъ отъ себя 5 р.; Вязем. Аркад. монастыря игуменія Сергія, при отнош. отъ 17 марта за № 21, тарел. сбора въ нед. Прав. 5 р.; Бѣльскій град. прот. П. Снявскій, при отнош. отъ 15 марта за № 82, тарел. сбора въ нед. Прав. 51 р. 65 к.; Красногородищенскій игум. Викторинъ, при рапортѣ отъ 10 мар. за № 30, тарел. сб. въ нед. Прав. 1 р. 35 к.; Рославл. град. прот. П. Полубинскій, при отнош. отъ 13 марта за № 85, тарел. сбора въ нед. Правосл. 39 р. 10 в.; Колочскій архимандритъ Агапій, при отнош. отъ 14 марта за

№ 25: а) тарел. сбора въ нед. Прав. 10 р. и б) пожертв. по подписн. листу 3 р.; Смоленскій у. благоч. П. Конокотинъ, при отнош. отъ 22 марта за № 66, тарелочн. сбора въ нед. Правосл. 27 р. 77 к.; Смоленскій град. благочин. Конст. Вишневскій член. взносъ отъ себя 3 р.; тотъ же благочинный, при рапортъ отъ 22 марта за № 69, тарел. сб. въ нед. Православія отъ 11 Смол. град. церквей 60 р. 5 к.; Краснинскій у. благочин. Н. Смирягинъ, при отнош. отъ 17 марта за № 109, тарел. сбора въ нед. Прав. 14 р.; Краснинскій град. прот. Гр. Ждановъ, при отнош. отъ 16 мар. за № 121, тарел. сбора въ нед. Правосл. 5 р. 65 к.; Вяземскій у. благоч. А. Соколовъ, при отношен. отъ 17 мар. за № 216, тарел. сбора въ недѣлю Правосл. 40 р. 25 к., именно: отъ с. Побухова 6 р. 35 к., с. Соловиць 2 р., Григорьевскаго 1 р., Хмѣлиты 2 р., Меньшикова 5 р. 15 к., Осташева 2 р. 40 к., Сумарокова 4 р., Богдановщины 1 р. 30 к., Сerezани 4 р., Неразлучнаго 3 р., Бунакова 2 р., Чепчугова 2 р. 30 к., Богородицкаго 1 р. 15 к., Спась-Волжинскаго 2 р. и Косткина 1 р. 50 к.; священникъ Смол. Богоугод. завед. Николай Поповъ член. взносъ отъ себя 3 р.; Дорогобужскій град. прот. Андр. Медвѣдковъ, при отнош. отъ 23 марта за №№ 77 и 78: а) членскіе взносы: мѣщ. Романа Потапова 3 р. и неизвѣстной 3 р., б) пожертв. по 9 подписн. листамъ 31 р. 30 к. и в) тарелочн. сбора въ нед. Правосл. 35 р. 45 к.; Гжатскій град. благоч. Іоаннъ Санковскій, при отя. отъ 26 мар. за № 102: а) член. взносъ отъ себя 3 р., б) пожертв. по 2 подписн. листамъ 5 р. 60 к. в) круж. сбора за 1893 г. на распр. Правосл. 8 р. и г) тарел. сбора въ нед. Правосл. 18 р. 40 к.; Сычевскій у) благоч. Іак. Поповъ, при рапортъ отъ 14 марта за № 163, пожертв. по подп. листу за № 21865 — 50 к. — Всего въ теченіе марта мѣсяца поступило 1070 р. 44 коп.

Дѣлопроизводитель Комитета,
священникъ Александръ Яблонскій.



ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О семейномъ воспитаніи дѣтей.

(Изъ произведеній Филарета, митрон. Московскаго *).

Общее правило:— „небись о дѣтяхъ“ не требуетъ долгаго ученія и многихъ доводовъ. Его проповѣдуетъ природа. Она говоритъ въ сердцахъ родителей въ пользу дѣтей; и не удивительно: жизнь родителей чувствуетъ свою отрасль въ жизни дѣтей и естественно хочетъ, чтобы она росла и цвѣла. Но, что болѣе удивительно, природа въ самыхъ дѣтяхъ говоритъ за нихъ и еще прежде, нежели они говорятъ умѣютъ: видъ младенца умягчаетъ и неродительское сердце, и, если онъ безпомощенъ, влечетъ къ тому, чтобы оказать ему помощь. Безсловесныя проповѣдуютъ человѣку попеченіе о дѣтяхъ. Большая часть изъ нихъ питаетъ своихъ дѣтей, охраняетъ съ заботливостію и ревностію, переходящею въ ярость, и даже съ опасностію своей жизни; а нѣкоторыя и учатъ своихъ дѣтей тому, что принадлежитъ къ свойственному ихъ жизни совершенству. Но человѣка сильнѣе, нежели безсловесныхъ, влечетъ природа къ попеченію о дѣтяхъ внутреннимъ побужденіемъ и видитъ необходимостію внѣшнюю. Въ безсловесныхъ привязанность къ дѣтямъ оканчивается съ незрѣlostію ихъ возраста: въ человѣкѣ она простирается далѣе и остается навсегда. Дѣти безсловесныхъ скорѣе и съ

*) Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Семья и семейныя отношенія» журнала *Странникъ* помѣстилъ (за апрѣль, май и августъ) прекрасно сдѣланный сводъ мнѣній покойнаго митрополита Московскаго Филарета, изложенныхъ во многихъ церковно-учительныхъ сочиненіяхъ его и въ совокупности своей обнимающихъ по видимому всѣ стороны нравственной жизни семьи. Заимствуемъ изъ статьи подобныя разработанный отдѣлъ о семейномъ воспитаніи дѣтей, передавая его также, какъ и въ журналѣ, почти буквально словами святителя Филарета.

меньшими пособіями выходятъ изъ состоянія безпомощности и незрѣлости, нежели дѣти человѣка. Еслибы при семъ замѣчаніи вздумалось кому спросить: не обиженъ ли такимъ образомъ человѣкъ въ сравненіи съ безсловесными? — На сіе не обинуюсь отвѣчать можно: нѣтъ. И во-первыхъ, потому, что нѣкоторыя несовершенства рожденія и жизни человѣка, нами примѣчаемыя, не принадлежать къ первоначальной чистой природѣ человѣка, но, какъ показываетъ священное преданіе, суть послѣдствія и признаки ея поврежденія прародительскимъ грѣхомъ, въ началѣ произвольнаго, а потомъ уже наслѣдственнаго. Во-вторыхъ, потому, что — какъ безсловесныя тѣмъ болѣе пособій къ жизни должны были получить отъ природы, чѣмъ менѣе способны увеличить оныя своимъ дѣйствіемъ, не имѣя разума, — такъ, напротивъ, человѣка нужно было не слишкомъ ограждать пособіями природы, чтобы не стѣснить поприща, предоставляемаго разуму его и свободѣ. Если бы пособія и побужденія природы такъ же властно и такъ же легко, какъ безсловесныхъ, двигали человѣка къ цѣлямъ жизни, то что было бы дѣлать его разуму? Гдѣ была бы его свобода? Гдѣ достоинство разумнаго и свободнаго выбора, заслуга, добродѣтель, а слѣдственно и высокое нравственное блаженство свободнаго существа? Если человѣкъ рождается болѣе прочихъ животныхъ безпомощнымъ, и болѣе ихъ требуетъ пособій къ усовершенствованію своей жизни, — то особенная судьба человѣчества говоритъ родителямъ: не гните о дѣтяхъ. Если природа не такъ усиленно обрабатываетъ человѣка, потому что не хочетъ владычествовать надъ нимъ, какъ надъ рабомъ, потому что довѣряетъ обработать его разуму и свободѣ, а разумъ и свобода въ человѣкѣ открываются не вдругъ и не безъ помощи, но требуютъ пособія отъ разума, прежде открытаго, и направленія отъ свободы, прежде испытанной и обработанной; то досто-

инство разума и свободы говорить родителямъ: попейтесь о дѣтяхъ. Если человекъ, зачатый въ беззаконіяхъ и рожденный во грѣхахъ, долженъ быть очищенъ и возведенъ къ совершенству небесному, то жалкое начало и высокое назначеніе вдругъ и печальнымъ и торжественнымъ голосомъ говорить родителямъ: попейтесь о дѣтяхъ.

Но тамъ, гдѣ глаголетъ Христось, всего лучше послушать, что Онъ глаголетъ. *Блюдите, глаголетъ, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Матѣ. XVIII, 10). Сіе сказалъ Онъ Апостоламъ, когда, *призвавъ отроча, постави е посреди ихъ* (ст. 2)... Посему каждый разъ, когда Господь рукою Своего Провидѣнія поставляетъ предъ вами дитя, когда оно вамъ родится, или ввѣряется вашему попеченію властію и закономъ, или приводится въ руки ваши нуждою и безпомощностію, вы можете представлять себѣ, что Господь смотритъ на оное и говорить вамъ: *блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ*. И какъ сильно подкрѣпляетъ Онъ сію заповѣдь! *Аминь бо глаголю вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго*. То-есть: Ангели служатъ хранителями дѣтей, слѣдственно, имѣють въ нимъ вниманіе, заботятся о нихъ, уважають ихъ: какъ же вамъ оставлять ихъ безъ попеченія, безъ вниманія, въ пренебреженіи? Ангели ихъ *на небесѣхъ* и нисходятъ для нихъ на землю: вы ли не захотите наклонить вашу земную гордость къ ихъ малому возрасту? Ангели ихъ *выну видятъ лице Отца небеснаго* и отъ сего блаженнаго созерцанія обращаютъ взоръ къ пеленамъ и колыбели и слухъ къ плачу и лепетанію младенца: вамъ ли покажется или скучнымъ, или малымъ дѣломъ попеченіе о малыхъ сихъ. Душа младенца, крещеніемъ очищенная, произвольными грѣ-

хамъ не оскверненная, своею невинностію, простотою, незлобіемъ представляетъ нѣкоторую содружность естеству Ангельскому и потому не только не поставляетъ преградъ приближенію Ангела хранителя, но, можетъ быть, и привлекаетъ его. И кто же посылаетъ Ангеловъ къ младенцамъ человѣческимъ? Кто, какъ не самъ Творецъ Ангеловъ и человѣковъ? Подумайте же: небо приходитъ въ движеніе, чтобы сберечь на землѣ жизнь или непорочность младенца, а между тѣмъ — нѣтъ ли такихъ, которые безъ состраданія слышатъ вопль младенца на колѣняхъ нищеты, которые смотрятъ на возрастаніе собственныхъ дѣтей не съ большимъ вниманіемъ, какъ на траву, растущую въ полѣ?

Справедливо возлагать на Бога надежду о себѣ и о дѣтяхъ, но сіе не исключаетъ осторожнаго вниманія къ тому, какъ лучше дѣтей вести, и обязанности бдительно надзирать за ними. Любовь родителей къ дѣтямъ не должна дѣйствовать независимо, а подъ руководствомъ здраваго разсужденія. Отцу и матери нуженъ ли подвигъ, чтобы любить свое дитя? Младенцу надобно ли учиться любить отца и мать? Если же въ сей любви все дѣлаетъ природа, безъ подвига и почти безъ вѣдома человѣка: гдѣ тутъ достоинство добродѣтели? — Это просто естественное чувство, которое и въ безсловесныхъ примѣчаемъ. Нелюбленіе родителей или дѣтей есть глубоко низкій порокъ: но любовь къ родителямъ или дѣтямъ не есть еще высокая добродѣтель, кромѣ особенныхъ случаевъ, когда ее возвышаетъ соединенное съ нею самоотверженіе и самопожертваніе. Чувствительное и любящее сердце надобно возвысить отъ любви естественной къ душевной, чтобы оно, погружаясь въ связи семейныя, не погрязло совсѣмъ въ одной естественной любви. А потому, полагая источникъ блага въ Богѣ и благословініи Его, которое имѣемъ или получаемъ, и надежду блага, котораго же

лаемъ, надобно возвышать и освѣщать дѣла природы духомъ благодати,—встрѣчать рожденіе дѣтей не только съ радостными чувствованіями, но и съ помышленіями благочестивыми—искать для нихъ счастливой будущности не только въ благопріятныхъ видахъ земныхъ, но и въ союзѣ ихъ земнаго бытія съ небеснымъ,—давать имена дѣтямъ не безъ разбора, либо съ поверхностнымъ разборомъ пріятныхъ или непріятныхъ звуковъ и тому подобнаго, но съ мыслию о благочестивыхъ предкахъ, которыхъ души способны преподать дѣйственное благословеніе потомкамъ, а еще лучше съ вѣрою къ Святымъ, которыхъ молитвы и благословенія, безъ сомнѣнія, благотворны.

Нареченіе именъ не такъ маловажное дѣло, какъ думаютъ люди, которые лучше помнятъ имена, нежели знаютъ существо и отношеніе предметовъ. Мудрость первозданнаго человѣка испытана и проявлена была нареченіемъ именъ всякой душѣ живой. Въ нареченіи именъ патриархами не разъ проявлялся даръ прозорливости и пророчества. Самъ Богъ, когда благоволилъ дать Аврааму новое, многознаменательное, потомственное благословеніе,—какъ залогъ, какъ печать, какъ таинственное знаменіе сего благословенія, далъ ему новое имя: *не наречется къ тому имя твое Аврамъ, но будетъ имя твое Авраамъ, яко отца многихъ языковъ положишь ты* (Быт. XVII, 5). Святая Церковь, зная, что немногіе способны отъ себя нарекать имена, приносящія съ собою благословеніе, учредили прекрасный обычай отъ Святыхъ заимствовать имена, которыя по благодати Святыхъ всегда благознаменательны и способны принести съ собою благословеніе. Но притомъ особенно благо младенцу, которому даютъ имя Святаго не по обычаю только, но по вѣрѣ и любви къ Святому.

(Окончаніе будетъ).

Николай Петрович Гурьевъ, преподаватель Смоленской духовной семинаріи.

(некрологъ).

Въ восемь часовъ утра 26 марта сего года, въ Москвѣ, въ домѣ своей замужней сестры, окруженный близкими ему людьми, при полнѣйшемъ отсутствіи какихъ либо признаковъ страданія, тихо-тихо умеръ преподаватель математическихъ наукъ въ нашей семинаріи Н. П. Гурьевъ. Предъ таинствомъ смерти, вообще, смиряется мятущійся въ житейской сутолкѣ духъ человѣка даже тогда, когда смерть, по нашимъ человѣческимъ расчетамъ, является своею временною, когда, наир.

Слагая жизнь старикъ съ раменъ усталыхъ
Ее какъ долгъ могилѣ отдастъ.

Когда-же смерть уноситъ въ могилу молодую жизнь и при томъ близкаго намъ лица, съ которымъ такъ недавно еще шелъ вмѣстѣ по одной житейской тропѣ, тогда стоишь предъ гробовою крышкою съ невольнымъ горькимъ недоумѣніемъ и тяжелою скорбію въ сердцѣ. Правда, грозный признакъ смерти не вдругъ завладѣлъ покойнымъ нашимъ собратомъ по профессіи, она постепенно приближалась къ нему, тѣмъ, не менѣе какъ-то не вѣрилось, чтобы молодой 30-лѣтній организмъ такъ скоро покорился смерти, и душа его такъ скоро перешла въ тотъ міръ, гдѣ для нея уже миновались всѣ превратности жизни, гдѣ для нея нѣтъ уже ничего невѣрнаго: ни страха въ настоящемъ, ни тревоги за будущее... Вотъ почему сейчасъ, едва мы взяли за перо, чтобы слабымъ словомъ своимъ почтить память усопшаго, послѣдній какъ живой возсталъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ со всеми прекрасными свойствами своей души.

Curriculum vitae покойнаго Николая Петровича не сложенъ и не богатъ внѣшними событіями. Сынъ священника г. Мос-

квы при церкви св. Іоанна Предтечи на Покровѣ, Николай Петровичъ родился въ 1862 году. Рожденіе его купилось дорогою цѣною: его мать умерла въ родовыхъ мукахъ. Такимъ образомъ малютка Никола, какъ его звали родные, лишень былъ навсегда материнскихъ ласкъ и благотворнаго вліянія материнской нѣжной любви, проникнутой сердечною теплотою и трогательною задушевностью. Сознаніе невозможности вполнѣ замѣнить для ребенка материнскаго нравственнаго воспитанія легло тяжелымъ камнемъ на сердце отца Н. Петровича. Вдовецъ священникъ по смерти жены весь ушелъ въ любовь къ своимъ дѣтямъ. Умный, строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ любвеобильный отецъ семейства, глубоко-религіозный о. Петръ первый бросилъ въ юную душу своего Николи сѣмена добрыхъ навыковъ и наклонностей. Къ сожалѣнію, покойному Николаю Петровичу не долго пришлось расти подъ разумнымъ руководствомъ своего отца. На восьмомъ году своей жизни Н. П. остался круглымъ сиротою и, конечно, безъ всякихъ средствъ къ жизни съ тремя своими неустроенными сестрами. Одна изъ нихъ, Надежда Петровна, съ которою покойный до самой смерти своей находился въ самыхъ сердечныхъ, родственно-теплыхъ и дружескихъ отношеніяхъ, выходитъ замужъ за А. В. С—ва, который поступаетъ на діаконское мѣсто къ той-же церкви, гдѣ служилъ и отецъ Николая Петровича. Въ своемъ зятѣ, на содержаніе котораго Н. П. перешелъ вмѣстѣ съ сестрами своими, покойный нашелъ любящаго и гуманнаго человѣка, вполнѣ замѣнившаго ему отца. О. діаконъ старался продолжить воспитаніе своего маленькаго шурина въ томъ же направленіи, какое дано было ему отцомъ и приготовилъ его къ поступленію въ одно изъ Московскихъ духовныхъ училищъ. Курсъ училищныхъ наукъ безъ всякаго сторонняго руководства прошелъ Никола, ничѣмъ не выдаваясь изъ

среды товарищей. За училищемъ слѣдуютъ годы семинарской учебы. И въ семинаріи Н. П. шелъ безъ особыхъ выдающихся успѣховъ. Его способности вмѣстѣ съ упорствомъ, настойчивостью и усидчивостью въ работѣ пробудились уже сравнительно поздно. Только къ 18-лѣтнему возрасту у Н. П. пробудилось стремленіе къ преимущественному изученію математическихъ наукъ, и нельзя сказать, чтобы на первыхъ порахъ легко давались покойному занятія въ области излюбленнаго имъ предмета. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ бился надъ рѣшеніемъ сложныхъ математическихъ задачъ и тогда только успокаивался, когда убѣждался, что „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“. Юность — это раннее утро человѣческой жизни, полное темныхъ предчувствій, неясныхъ надеждъ на что-то въ будущемъ, что тревожить и волнуетъ пылкій умъ, это — время, когда пробуждается рефлектирующая сила ума, часто направляющаяся у юношей на критику настоящаго, на колебаніе авторитетовъ и преданій .. Но у Н. П. рефлектирующая дѣятельность мысли направилась въ это время на математическія науки. У него къ тому времени уже созрѣлъ идеалъ научныхъ занятій. Онъ поставилъ свою цѣль — поступить на математическій факультетъ университета и сталъ упорно стремиться къ осуществленію этой цѣли. Трудно сказать, какія внѣшнія условія жизни натолкнули Н. П. на путь изученія математическихъ наукъ, въ которыхъ, какъ увидимъ ниже, онъ обнаружилъ блестящіе успѣхи. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ сказала известная доля наслѣдственности: старшій братъ Н. П. былъ хорошимъ математикомъ. Одинъ изъ близкихъ родственниковъ покойнаго, говоря о склонности Н. П. къ математикѣ, между прочимъ, пишетъ намъ: „не вліяло-ли тутъ отчасти дѣтское воспоминаніе о трудахъ старшаго брата, бывшаго губернскаго архитектора въ г. Гродно? Отличаясь съ малолѣтства

любопытностью, Н. П. въ дѣтствѣ не разъ бывалъ свидѣтелемъ работъ брата по архитектурѣ. Составленіе смѣтъ, рисунковъ, плановъ цѣльныхъ и въ разрѣзахъ, строгое вычисленіе архитектурныхъ деталей и, въ заключеніе, какъ плодъ этихъ кропотливыхъ математическихъ вычисленій и расчетовъ, появленіе модели той или другой постройки въ видѣ красивенькаго и строго-симметричнаго рисунка... все это могло въ дѣтской головѣ заронить мысль, до времени спавшую, что только при таковомъ строго-математическомъ расчетѣ возможно воспроизведеніе извѣстной красивенькой и чпстенькой постройки.

По крайней мѣрѣ, другихъ ближайшихъ толчковъ, пробудившихъ математическія способности Н. П., не представляется. Но какъ бы то ни было, изученіе математики въ высшемъ учебномъ заведеніи сдѣлалось, какъ мы сказали, завѣтною мечтою Н. П. во время его семинарскаго обученія. Но для поступленія въ университетъ требовалось выдержать предварительно экзаменъ при какой либо классической гимназій на аттестатъ зрѣлости. Вотъ почему Н. П., чувствуя себя неподготовленнымъ къ требуемому экзамену, рѣшилъ поступить въ морской инженерный институтъ, куда окончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній принимались только по конкурсному экзамену. Окончивъ полный курсъ семинарскихъ наукъ, Н. П. безъ всякой сторонней помощи основательно подготовился къ конкурсному экзамену въ упомянутый институтъ и съ полнѣйшимъ успѣхомъ его выдержалъ. Къ несчастію покойнаго, а, быть можетъ, и къ счастью, вышло распоряженіе о томъ, что лица, не принадлежащія къ дворянскому сословію, не могутъ быть приняты въ морской институтъ. Н. П., такимъ образомъ, оказался въ числѣ непринятыхъ. Такая неожиданность тяжело поразила отъ природы впечатлительнаго Н. П., но та-же семья

добраго зятя, которая воспитала его и присутствовала при послѣднихъ минутахъ его жизни, успокоила Н. П. и укрѣпила его въ надеждѣ на поступленіе въ университетъ. Не желая, съ одной стороны, обременять и безъ того небогатый бюджетъ своего зятя и сестры, а съ другой — спасаясь отъ необходимости отбыть воинскую повинность, Н. П. поступилъ надзирателемъ или, по Московскому выраженію, „приставникомъ“ за воспитанниками въ родную семинарію. Гуманное и чисто отеческое отношеніе къ Н. П. его семинарскаго начальства, о чемъ впоследствии покойный неразъ съ благодарностью вспоминалъ, давало возможность Н. П. безъ труда нести свои обязанности воспитателя и весь досугъ отъ службы употреблять на подготовленіе къ экзамену. Черезъ годъ усидчиваго труда Н. П. сознавалъ себя настолько подготовленнымъ, что рѣшилъ сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при первой Московской гимназій. Однако, приемъ, сдѣланный ему директоромъ этой гимназій, показался подозрительному и излишне недовѣрчивому къ своимъ познаніямъ Н. П. настолько нелюбезнымъ, что онъ счелъ за лучшее отправиться въ Новочеркасскъ (гдѣ живетъ замужняя племянница Н. П.) и держать экзаменъ при тамошней гимназій. Экзаменъ былъ сданъ покойнымъ самымъ блестящимъ образомъ. Ему было сказано: „будь вы ученикъ нашей гимназій, а не экстернъ, мы съ величайшею охотою присудили бы вамъ золотую медаль. И совершенно напрасно вы побоялись выдержать испытаніе на аттестатъ зрѣлости въ Москвѣ“. Зная, съ какою сравнительно легкостью присуждаются аттестаты зрѣлости воспитанникамъ гимназій, съ другой стороны, зная, съ какою подозрительностью относятся въ гимназіяхъ къ познаніямъ экстерновъ, мы въ правѣ заключить, что Н. П. предъ экзаменаціонною комиссіею обнаружилъ дѣйствительную, а не фиктивную умственную и научную

зрѣлость. Итакъ, завѣтная мечта Н. П. поступить въ университетъ осуществилась. Н. П. уже студентъ Императорскаго Московскаго университета по физико-математическому факультету и въ частности по отдѣленію математическихъ наукъ. Какъ плтомецъ духовной школы, съ упорною настойчивостью стучавшійся въ университетскія двери, пока онѣ не отворились предъ нимъ, онъ пришелъ въ аудиторію за дѣломъ и внесъ въ него чисто-семинарскую выносливость и упрямство. Съ жаромъ молодой любознательности отдался онъ университетской наукѣ и скоро обратилъ на себя особое вниманіе такихъ первоклассныхъ величинъ въ современной математикѣ, какъ профессоръ Столѣтовъ, слѣдившій за Н. П. до послѣднихъ дней его недолгой жизни. Живя въ университетѣ высокою умственной жизнью, Н. П. вынесъ изъ стѣнъ его не только способность къ воспріятію научныхъ познаній, добытыхъ другими, но и силу личной развитой мысли, способность къ активной умственной работѣ, умѣнье разобраться въ массѣ фактовъ и обобщеній, которые предстояло ему переработать и связать для окончательнаго построенія цѣльнаго міровоззрѣнія въ области математическаго знанія. Сиротская бѣдность и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающіеся успѣхи Н. П. скоро предоставили ему одну изъ лучшихъ университетскихъ стипендій, вполне обезпечившую безбѣдное существованіе студента Гурьева на все время его пребыванія въ университетѣ. Избѣгнувъ, такимъ образомъ, горькой необходимости тратить дорогое университетское время на розыскиваніе изъ за куска хлѣба грошевыхъ уроковъ, Н. П. настолько усердно занимался излюбленными предметами, что блестяще выдержалъ государственный экзаменъ и получилъ первую степень кандидата математическихъ наукъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ сказать, почему Н. П. не выдалъ

золотой университетской медали, хотя изъ словъ покойнаго и его родныхъ мы знаемъ, что право на полученіе ея онъ имѣлъ. По окончаніи университета, покойному Н. П. предложили остаться при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію. И если бы не женитьба, о которой не хотѣлось бы здѣсь и упоминать, то мы, несомнѣнно, видѣли бы теперь Н. П. на университетской профессорской кафедрѣ. Одинъ изъ ближайшихъ товарищей по университету Н. П., получившій теперь профессуру въ томъ-же университетѣ, высказался одному изъ родственниковъ покойнаго, что „первенство настолько-же принадлежало ему, насколько и Гурьеву“.

Добровольно отклонивъ возможность остаться на университетской службѣ, Н. П. подаетъ въ учебный комитетъ при Св. Синодѣ заявленіе о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, тѣмъ болѣе, что та стипендія отъ духовнаго вѣдомства, какою покойный пользовался при университетѣ, обязывало его прослужить узаконенное число лѣтъ именно по духовному вѣдомству. Согласно желанію Николая Петровича, онъ приказомъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 30 ноября 1889 г. за № 5822 назначень былъ на должность преподавателя Вятской д. семинаріи по кафедрѣ математики и физики съ 23 ноября того же года. Въ Вятку Н. П. поѣхалъ уже женатымъ на дочери Московскаго 2-й гильдіи купца Гартенберга. Приказомъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 11 апрѣля 1891 г. за № 1747 покойный перемѣщенъ былъ отъ 3 апрѣля на ту же должность преподавателя физики и математики въ нашу Смоленскую семинарію. О своемъ двухлѣтнемъ пребываніи въ Вяткѣ покойный любилъ вспоминать съ особеннымъ удовольствіемъ. Съ удовольствіемъ рассказывалъ онъ о своихъ сослуживцахъ по Вятской семинаріи и женскому епархіальному училищу, гдѣ покойный также имѣлъ уроки по математикѣ, объ ихъ

дружной, сплоченной, чисто товарищеской жизни. Съ благодарнымъ чувствомъ и много воспоминалъ онъ о своемъ ближайшемъ бывшемъ начальникѣ, высоко-гуманномъ и образованномъ о. ректорѣ семинаріи, протоіереѣ Поповѣ (нынѣ умершемъ), авторѣ извѣстныхъ учебниковъ по Закону Божию. Нравилось Н. П. и, вообще, все интеллигентное общество Вятки своею простотой, сердечностью и отсутствіемъ сословныхъ и служебныхъ предрасудковъ. Особенно оживлялся покойный, когда припоминалъ подробности проводовъ, какія устроили ему сослуживцы и знакомые, когда онъ оставлялъ Вятку для службы въ Смоленскѣ. Единственнымъ мотивомъ въ переходу въ нашу семинарію покойный выставялъ отдаленность Вятки отъ его родины и центровъ научной жизни Россіи. Нужно сказать, что Николай Петровичъ уже въ Вяткѣ свободное отъ служебныхъ занятій время посвящалъ подготовкѣ къ экзамену на соисканіе ученой степени магистра математическихъ наукъ. Въ Смоленскѣ покойный рассчитывалъ найти болѣе благоприятныя условія для научныхъ занятій, такъ какъ сношеніе съ Москвою, въ частности съ дорогою для него „alma mater“ — университетомъ отсюда было гораздо удобнѣе, чѣмъ изъ Вятки. Но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, гласитъ народная мудрость... Приѣхалъ въ Смоленскъ Н. П., повидимому, жизнерадостнымъ, въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ. Помню, съ какою, такъ сказать, радостною хлопотливостію онъ обставлялъ свою уютную, маленькую квартирку, съ какою чисто юношескою готовностію спѣшилъ онъ стать въ дружескія отношенія съ своими новыми сослуживцами, съ какимъ участіемъ разспрашивалъ о своихъ новыхъ ученикахъ, стараясь уже по разговорамъ уловить нравственный обликъ смоленскаго семинариста, съ какою подробностію разспраши-

валъ о типическихъ особенностяхъ, вообще, Смоленскаго общества. Н. П., не смотря на свои рѣшительныя наклонности къ научнымъ, кабинетнымъ занятіямъ, не могъ жить анахоретомъ — труженикомъ. Онъ не могъ всецѣло „въ тихомъ своемъ углу молчаливо таиться... въ себѣ разсуждая пользу наукъ“. Его влекло къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ соприкасался интеллектуальными и нравственными сторонами своего характера, которые, слѣдовательно, могли ему симпатизировать и понять интересы его жизни. Но не долго намъ пришлось видѣть Н. П. полнымъ духовныхъ и физическихъ силъ. Подъ оболочкою внѣшне-счастливой жизни уже крылся тотъ семейный разладъ, который привелъ покойнаго къ трагической катастрофѣ. Какъ человекъ искренній, съ толкою нервной организаціею и, слѣдовательно, отзывчивый и воспримчивый, Н. П. способенъ былъ на увлеченія, способенъ былъ всецѣло отдаваться впечатлѣніямъ минуты. Онъ увлекся любовью къ женщинѣ, ставшей его супругою, но самую любовію хотѣлъ воспользоваться какъ могучею силою, двигающею нравственное развитіе, какъ новымъ побужденіемъ умственно работать и нравственно совершенствоваться. Склонный къ идеализаціи, побойный въ семейной жизни искалъ нравственной поддержки, сочувственнаго вниманія къ своимъ завѣтнымъ мечтамъ и думамъ, согревающей ласки, которая скрашивала бы мелкія картинки будней, заурядной жизни провинціального педагога... И вотъ въ Смоленскѣ Н. П. скоро пришлось горько разочароваться во всемъ, что въ моментъ увлеченія необдуманно вошло въ его сознаніе, неправильно понято и преждевременно оцѣнено. „Я потерялъ то, говорилъ покойный, что даетъ прелесть жизни, что заставляетъ ее цѣнить — возможность дѣлиться чувствами и мыслями, имѣть общіе интересы, удовлетворять другъ друга нравственно и физически. Для счастья человека

нужно сочетаніе всѣхъ этихъ условій. Мало того, чтобы я симпатизировалъ человѣку, нужно, чтобы онъ меня возбуждалъ и умомъ и сердцемъ“. Наученный торькимъ опытомъ, покойный морализировалъ: „никогда не предпринимай ничего подъ вліяніемъ чувства, минутнаго состоянія; лучше всего рѣшайся на что-либо важное по утрамъ: тогда человѣкъ бываетъ нормальнѣе, уравновѣшаннѣе, добрѣе. Въ тебѣ есть и умъ, и чувства. Чувства тебя подавляютъ, но ими хорошо руководиться—только тогда, когда они благородны и честны, при малѣйшемъ же сомнѣніи нужно отложить исполненіе дѣла, подсказываемаго чувствомъ, до другаго времени. Помни, что всякое состояніе проходитъ, а дѣла человѣка пмѣютъ свои послѣдствія. Откладывай важное дѣло до другаго утра“.

Но прости, мой многострадальный collega, если я своимъ нескромнымъ словомъ потревожилъ, а, быть можетъ, оскорбилъ твою тѣнь въ виду еще свѣжей могилы твоей. Спѣшу опустить занавѣсъ на эту трагическую сторону твоей интимной жизни...

Въ концѣ 1891—92 учебнаго года съ Н. П. происходитъ быстрая и рѣзкая перемѣна. Крѣпкій организмъ его какъ-то сразу подался, нервы расходились, чаще и чаще стали проявляться симптомы угнетающаго подавленнаго состоянія духа. Н. П. распродалъ всю обстановку своей квартиры и, разоривъ, такимъ образомъ, свое уютное семейное гнѣздо, которое онъ такъ недавно еще и такъ любовно свивалъ, остался снова бобылемъ. Онъ все больше и больше погружался въ апатію, бездѣйствіе, въ „мракъ мысли“, какъ любилъ онъ выражаться въ то время. Все ему казалось противнымъ, ни на чемъ не могъ онъ сосредоточиться; своимъ друзьямъ онъ жаловался на какое-то безнадежное состояніе своего духа, тяжесть котораго усиливалась еще тѣмъ, что Н. П. долженъ былъ надѣвать на себя маску: ходить въ классъ, разговари-

вать въ наставнической комнатѣ, казаться веселымъ съ знакомыми. Въ кругу друзей онъ сравнивалъ себя съ старымъ, заброшеннымъ домомъ съ заколоченными наглухо ставнями, въ которомъ нѣтъ ни свѣта, ни звука, ни движенія. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія экзаменаціонной страды и возлагалъ большія надежды на каникулярное время, которое, по его мнѣнію, должно было вылѣчить его и нравственно и физически. Въ началѣ іюля мы видимъ его уже въ Славянскѣ. Тамошніе доктора начали лѣчить его отъ нервозности и въ частности отъ нейрастеніи. Купанье вмѣстѣ съ строго-воздержнымъ образомъ жизни, полнѣйшимъ отсутствіемъ умственной дѣятельности, воздержаніемъ отъ всякаго рода волненій и возбужденій, перемѣна обстановки и лицъ благотворно подѣйствовали на Н. П. Къ началу слѣдующаго 1892 — 93 учебнаго года Н. П. вернулся въ Смоленскъ, по видимому, бодрый духомъ и тѣломъ. До пріисканія квартиры онъ остановился у меня, и я, слушая его оживленную бесѣду, мечты и планы о научныхъ занятіяхъ, о магистерскомъ экзаменѣ, объ экзаменѣ на званіе учителя французскаго языка, къ которому онъ давно уже чувствовалъ себя подготовленнымъ и т. п., отъ души порадовался за своего коллегу. Ему хотѣлось найти столъ и квартиру въ такомъ семействѣ, гдѣ онъ не чувствовалъ бы себя одинокимъ и чужимъ. И такое семейство онъ нашелъ въ лицѣ К... Здѣсь окружили покойнаго, особенно въ періодъ его болѣзни, истинно родственнымъ вниманіемъ, ласкою и привѣтомъ. Женская привѣтливость, музыкальныя занятія, разговоръ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, который Н. П. свободно велъ съ членами семьи К..., благотворно вліяли на ослабленіе приступовъ душевной тоски и нервозности, вновь посѣщавшихъ Н. П. Благодарное чувство къ семьѣ К... покойный сохранилъ до послѣднихъ минутъ своей жизни. Въ

письмахъ къ нимъ изъ Москвы Н. П. горячо благодарилъ ихъ за тѣ высокія ощущенія и эстетическія удовольствія, которыя они дали его больной душѣ своею превосходною музыкою, за ту вѣру и покорность несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, которыя они поддерживали въ немъ и съ которыми онъ легче переносилъ свое несчастіе... Тѣмъ не менѣе 1892—93 учебный годъ былъ слишкомъ тяжелъ для Н. П. Его нервы разстраивались прогрессивно. Давать ежедневно четыре урока въ семинаріи съ каждымъ днемъ становилось для него все тяжелѣе и тяжелѣе. Съ уроковъ онъ являлся совершенно разбитымъ. Чаше и чаше стали посѣщать его приступы тоски, недовольства всѣмъ окружающимъ, бессонныя ночи, слабость воли, безсиліе предъ самимъ собою. „Я дѣйствительно потерялъ волю надъ собою: въ этомъ и заключается вся моя болѣзнь“, жаловался онъ мнѣ. Отправляясь вмѣстѣ утромъ на занятія въ семинарію (покойный жилъ по сосѣдству со мною) и спрашивая покойнаго, какъ онъ себя чувствуетъ, я всегда получалъ въ отвѣтъ: „мучился всю ночь; голова горѣла ужасно; не слажу съ собою; презрѣнная слабость!“, или: „не могъ заснуть. Всю ночь слышалъ біеніе своего сердца и пульса. Развредилъ нервы своей головы, и она разгорѣлась“. Спрашивая Н. П. на слѣдующее утро о томъ, какъ провелъ онъ вчерашній день, я получалъ варіируемый на разные лады одинъ и тотъ же отвѣтъ: „сидѣлъ дома, занимался рѣшеніемъ задачъ, читалъ французскія и нѣмецкія книги, занимался англійскимъ языкомъ, хандрилъ, зло говорилъ про другихъ“... Но бывали минуты, когда Н. П. чувствовалъ себя необыкновенно легко, когда онъ говорилъ о жаждѣ жизни, о своей вѣрѣ въ царство добра на землѣ, о своей любви ко всему доброму и прекрасному, о возможности снова сочувствовать горю и радости другихъ... „Боже мой! восклицалъ Н. П., въ такихъ

случаяхъ, я почти счастливъ"! Такое, такъ сказать, душевное просвѣтленіе Н. П. всегда ставилъ въ связь съ физическимъ благосостояніемъ своего организма. Изъ подобныхъ контрастовъ и сплеталась тяжелая жизнь Н. П. въ описываемое время. Наступилъ май мѣсяць. Съ весеннимъ пробужденіемъ природы Н. П. ждалъ и для себя душевнаго обновленія. „Весною все расцвѣтаетъ, пусть же все расцвѣтеть и въ душѣ моей“, говорилъ онъ. Но черезъ нѣсколько дней онъ уже снова жалуется на свое душевное безсиліе, на болѣзнь души, просить у Бога одного: забвенія и забвенія. Весенняя радость природы, которую такъ любилъ покойный, и сумерки душевнаго настроенія: этотъ контрастъ дѣлалъ настроеніе Н. П. еще болѣе невыносимымъ. Въ такомъ состояніи все окружающее его казалось ему пошлымъ, лишеннымъ радости и свѣта. Онъ выражалъ желаніе уйти отъ этой угнетающей прозы на войну въ пылъ сраженія, уйти на море и побороться съ его бурями. Онъ въ страстныхъ разговорахъ выражалъ желаніе испытать что-либо сильное, страшное, увлекающее, волнующее, что пронесло бы и разогнало его душевную грозу. Симптомы душевной болѣзни, сведшей Н. П. въ могилу, въ это время становились очевидными не только для его друзей, но и для него самого. По крайней мѣрѣ онъ въ это время любилъ много говорить о психопатахъ, о признакахъ душевной болѣзни такихъ лицъ, разузнавалъ о лучшихъ книгахъ по психіатріи; началъ читать такія пзслѣдованія, какъ „Душевныя болѣзни“ Велицкаго, „Ученіе о скоропреходящемъ помѣшательствѣ“ Крафта, „Психопатологію“ Ковалевскаго и др. Съ трудомъ дотянулъ Н. П. время до своихъ экзаменовъ въ семинаріи, которые были поставлены первыми съ тѣмъ, чтобы онъ въ концѣ мая могъ уже оставить Смоленскъ. 23 іюня мы застаемъ Н. П. въ мѣстечкѣ Маіоренгофъ при Балтійскомъ морѣ, Риж-

скаго уѣзда, Лифляндской губерніи. Здѣсь покойный началъ лѣчиться морскими ваннами и обливаніемъ. Въ Маіоренгофѣ Н. П. пробылъ, кажется, не больше недѣли, такъ какъ одинъ изъ рижскихъ врачей нашелъ эту мѣстность нездоровою для больного и послалъ его лѣчиться въ Москву. Московскіе врачи, изслѣдовавши зрачки Н. П., нашли, что болѣзнь первы находится у него въ правой сторонѣ головы, и порекомендовали ему ходить въ водолѣчебницу, гдѣ лѣчение холодною водою должно было, по ихъ мнѣнію, укрѣпить нервы и уничтожить дрожаніе рукъ и ногъ больного. Въ періоды физическаго облегченія покойный старался разсѣять угнетенное состояніе духа посѣщеніемъ оперы. Слушаніе классическихъ піесъ дѣйствовало освѣжающимъ образомъ на него. Всякое посѣщеніе оперы онъ съ восторгомъ и подробно описывалъ своимъ друзьямъ, и въ этихъ описаніяхъ сквозило глубокое пониманіе искусства чуткимъ ко всему прекрасному и изящному Николаемъ Петровичемъ. Тѣмъ не менѣе, обливаніе холодною водою не принесло пользы больному. 18 іюля Н. П.—ча, по настоянію его родныхъ, снова освидѣтельствовали врачи и нашли у него прогрессивный параличъ мозга безъ надежды на выздоровленіе. Страшно поразило это открытіе родныхъ Н. П. Тѣмъ не менѣе послѣдняго продолжали лѣчить (уколами въ спину), причемъ больной постоянно жаловался на страшную боль въ рукахъ и ногахъ. Онъ не могъ удержать въ одномъ положеніи головы, рукъ и ногъ. Боль была настолько сильна, что Н. П. страшно кричалъ. Руки его отказывались держать перо, голова—связать двѣ, три мысли. Письма къ друзьямъ онъ диктовалъ съ перерывами и каждое такое письмо совершенно обезспивало его. Доктора совѣтовали отправить больного въ Смоленскъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить его въ больницу душевно-больныхъ, такъ какъ въ психіатрическихъ больницахъ

Москвы не было мѣста, да и содержаніе здѣсь стоило большихъ денежныхъ расходовъ... Но послать умирать больного одинокимъ вдали отъ родины было для родныхъ Н. П. тяжело. Сдѣлана была еще попытка перемѣнить систему лѣченія. 31 іюля Н. П. ѣдетъ въ санитарную колонію доктора Аграновича (близъ станція Голицыно, М.-Бр. ж. д.), который лѣчитъ душевно-больныхъ физическимъ трудомъ. Мѣстность, гдѣ находится колонія, показалась Н. П. русскою Швейцарією. Съ восторгомъ описывалъ онъ высокія горы, обиліе лѣса, воды... Н. П. охотно поселяется у Аграновича, платя ему за полное содержаніе по 65 р. въ мѣсяць съ обязательствомъ прожить у него не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Но физическій трудъ не принесъ пользы Н. П. „Нѣтъ! писалъ намъ покойный, видно и физическій трудъ и природа не вылѣчатъ моей больной головы, развнченныхъ нервъ, истощенныхъ силъ и отказывающагося работать желудка“. Голова больного, по его выраженію, постоянно вспыхивала, чаще стали дѣлаться съ нимъ припадки, истерическія слезы; къ этому присоединились бессонныя ночи. Душевное состояніе больного было ужасно. Общество его раздражало, одиночество томило. Онъ рѣшительно не находилъ нигдѣ себѣ мѣста. Снова обращается онъ къ московскимъ докторамъ, рассчитываетъ поступить въ клинику профессора Рота, извѣстнаго спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ, но расчеты его почему-то не сбылись. Да и средствъ не было оплачивать дорогое московское лѣченіе. И вотъ въ первой половинѣ октября Н. П., разбитый, измученный душою и тѣломъ, привѣзжаетъ снова въ Смоленскъ, поселяется сначала въ квартиру своего сослуживца, а затѣмъ въ одномъ семейномъ домѣ, лѣчится у мѣстныхъ врачей, но все напрасно. Тяжело было смотрѣть въ это время на покойнаго, тяжело и теперь вспоминать всѣ перипетіи его душевной болѣзни, все болѣе

и болѣе переходившей въ явное сумасшествіе. Не будемъ, поэтому, подробно слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ его болѣзни. Скажемъ только, что 16 октября, согласно прошенію правленія Смоленской д. семинаріи, Н. П., въ присутствіи депутата отъ духовно-учебнаго вѣдомства, былъ освидѣтельствованъ Врачебнымъ Отдѣленіемъ Смоленскаго Губернскаго Правленія, которое (отдѣленіе) пришло къ заключенію, „что г. Гурьевъ страдаетъ въ настоящее время разстройствомъ ума, выражающимся ослабленіемъ умственныхъ способностей, какъ послѣдствіемъ бывшаго у него кровоизліянія въ лобную долю лѣваго полушарія мозга, вызвавшаго стойкія измѣненія въ нервно-мозговой тѣани, причемъ вышеозначенное ослабленіе умственныхъ способностей сопровождается неустойчивымъ настроеніемъ духа и пониженіемъ тонуса всѣхъ душевныхъ отправленияхъ. Вслѣдствіе всего этого, г. Гурьевъ не можетъ въ настоящее время отправлять служебныхъ обязанностей и нуждается въ продолжительномъ отдыхѣ отъ занятій и соотвѣтствующемъ лѣченіи“. При этомъ Врачебное Отдѣленіе добавило, что болѣзненное состояніе Гурьева давало ему право на полученіе содержанія въ теченіе года, согласно 517 ст. Уст. о служ. прав., изд. 1876 г. Имѣя въ виду заключеніе Врачебнаго Отдѣленія, Правленіе семинаріи, чрезъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшаго Гурія, ходатайствовало предъ г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ о продленіи Н. П. отпуска для продолженія лѣченія съ сохраненіемъ за нимъ права на полученіе содержанія въ теченіе года. Ходатайство было удовлетворено. Лѣчится Н. П. сталъ у Смоленскихъ врачей. Но лѣченіе не шло въ прокъ. Прежній цвѣтущій Н. П. постепенно дряхлѣлъ и умственно и физически. Голова отказывалась работать, терялась память. Н. П. началъ забывать имена знакомыхъ, названія обыденныхъ предметовъ (амнезія). Забытыя слова Н. П. об-

ходилъ въ своемъ разговорѣ, который, страдая отсутвіемъ послѣдовательности, рѣзкими скачками отъ одной мысли къ другой, никогда не доводился до конца. Языкъ съ трудомъ произносилъ слова. Произношеніе дѣлалось невнятнымъ, затруднительнымъ, съ запинками на извѣстныхъ слогахъ. Рѣчь сопровождалась усиленною жестикуляціею и экспрессіею голоса. Въ рождественскій сочельникъ Н. П. былъ помѣщенъ въ Покровскую больницу, въ отдѣленіе душевно-больныхъ. Здѣсь мелодая жизнь, проявлявшаяся еще въ безумныхъ порывахъ, быстро начала угасать. Въ январѣ любимая сестра Н. П. пріѣхала за своимъ умирающимъ братомъ и привезла къ себѣ въ домъ уже полуживого человѣка. Вотъ какъ описываетъ въ письмѣ къ намъ зять покойнаго то удручающее впечатлѣніе, какое произвелъ на него въ это время Николай Петровичъ: „въ немъ отъ прежняго Н. П. оставалась только слабая жизнеспособность. Куда дѣвалась та кипучая, умная, живая, беззаботно-веселая его жизнь? Вѣдь было же время, когда Н. П. вносилъ веселье, смѣхъ, остроуміе въ нашу семью, когда являлся въ нее! Вѣдь было же время, когда окна, бывало, насквозь проглядишь, ожидая его прибытія. И куда все исчезло? Ужъ не сонъ-ли это — видѣть 30-лѣтняго близкаго человѣка уже мертвымъ? Да хорошо бы еще мертвецомъ. Нѣтъ! — при этомъ видѣть еще страдальца, безумнаго, безсознательнаго и безпомощнаго“. Безуміе его проявлялось иногда довольно въ буйныхъ формахъ. Съ 20 февраля Н. П. окончательно слегъ въ постель, которая была для него смертнымъ одромъ. Снимали его съ постели только для того, чтобы перемѣнить перевязки на пролежняхъ, покрывавшихъ его тѣло. И что за ужасныя были эти пролежни! Кости подъ ними были обнажены! Поистинѣ приходилось изумляться, въ чемъ еще держалась угасавшая жизнь! „Смотря на него, пишеть намъ тотъ же родственникъ

покойнаго, мы недоумѣвали: о чемъ возсылать мольбы къ Господу — о продленіи ли его дней безъ надежды на выздоровленіе, если не физическое, то хотя умственное, или же о ниспосланіи ему смерти! По близости родственной намъ жаль было его, какъ дорогого нашему сердцу, но по чело-вѣческому представленію о мучительности испытываемыхъ имъ, хотя и не сознаваемыхъ имъ страданій, невольно приходилось жалѣть о его жизни“. Его страданія, его безуміе облегчались звуками музыки. Едва начинали играть на рояли, больной переставалъ бредить, говорить невозможный, чисто безумный вздоръ и, успокоившись, смолкалъ. Даже наканунѣ смерти, подъ обаяніемъ ласкающихъ слухъ звуковъ, онъ спокойно лежалъ и въ моментъ проблеска сознанія хвалилъ игру. Умеръ онъ спокойно въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя были свидѣтелями его семинарской и студенческой жизни. Родственныя руки закрыли на вѣки глаза умершаго. Къ сожалѣнію, у смертнаго одра не было лучшаго друга покойнаго, его любимой сестры, которая любила его болѣе материнскою, чѣмъ сестриною любовью. Семейныя обстоятельства предъ смертію Н. П. вызвали ее далеко за Москву... Погребеніе совершено было 28 марта. Гробъ, украшенный вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ, многочисленную роднею былъ отнесенъ въ ту самую церковь, гдѣ покойный воспринялъ св. крещеніе, и затѣмъ, послѣ отиѣванія, отнесенъ былъ на Пятницкое кладбище. Тѣло усопшаго было погребено въ одной могилѣ съ его отцомъ, по правую сторону гроба послѣдняго.

Не зная материнскихъ ласкъ, покойный въ началѣ жизни своей пріютился подъ крылышкомъ своего отца: такъ точно и по смерти своей прильнулъ къ тому же отцу своему. *Sit tibi levis terra*, пострадавшійся на нашей грѣшной землѣ другъ! Въ Смоленскѣ печальная вѣсть о смерти Н. П. по-

лучена была 27 марта. 28 марта на четвертомъ урокъ о ректоромъ семинаріи, протоіереемъ П. И. Черепнинымъ, въ сослуженіи съ духовникомъ семинаріи, священникомъ І. Алмазовымъ, въ присутствіи преподавательской корпораціи и всѣхъ воспитанниковъ, отслужена была панихида по усопшемъ рабѣ Божіѣ Николаѣ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ молили присутствующіе Всевышняго, да успокоитъ Онъ изстрадавшагося раба Своего Николая въ селеніи праведныхъ и да отпустить ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Такъ трагично порвалась молодая земная жизнь нашего собрата! Всякій разъ, когда намъ приходилось опускать въ могилу гробъ близкаго намъ человѣка, всякій разъ, какъ мы смотрѣли на свѣжую насыпь надъ его могилою, намъ жутко становилось сразу оставить могилу, намъ хотѣлось еще пережить всѣ ощущенія недавней смерти. Такъ точно и сейчасъ, окончивъ наше слабое слово объ умершемъ, мы не въ состояніи еще положить пера, мы не будемъ нравственно спокойны и удовлетворены, если не суммируемъ всѣ воспоминанія о покойномъ, вызванныя въ насъ составленіемъ настоящаго некролога, и тѣмъ самымъ не выяснимъ его душевнаго облика.

Прежде всего, покойный рисуется намъ глубоко вѣрующимъ, религиознымъ человѣкомъ. Мы не помнимъ ни одного случая, когда бы онъ высказалъ хотя малѣйшее сомнѣніе, колеблющее твердость его вѣры. Глубокая его вѣра сильно сказывалась въ тѣхъ именно событіяхъ его жизни, когда легче всего можно было поколебаться въ этомъ благодатномъ дарѣ Божіемъ. Религіозное чувство ярче взыхивало въ немъ, когда онъ томился тоскою одиночества, жгучимъ желаніемъ любить и быть любимымъ, когда въ минуты душевныхъ сумерокъ предстоящій путь жизни задерживался предъ нимъ густымъ туманомъ. Разочарованный въ самыхъ заветныхъ,

сокровенныхъ мечтахъ своей души, потерявши самое святое и дорогое въ своей жизни, видя грубо и жестоко поправнымъ свой возвышенный идеалъ семейной жизни, покойный Н. П. съ истинно христіанскою покорностью говорилъ себѣ: „надѣйся и повторяй чаще слова Іова: Богъ далъ, Богъ и взялъ. Молись Богу, не отчаявайся. Борись съ желчностью твоего характера, сплюю переводы свою мысль съ явленій злыхъ и мрачныхъ къ добрымъ и свѣтлымъ“. Даже къ тѣмъ людямъ, которые разбили жизнь нашего дорогого покойника, онъ относился, руководимый чувствомъ всепрощающей христіанской любви, безъ злобы. „Прощай людямъ слабости, говорилъ онъ, какъ ты прощаешь ихъ самому себѣ, не говори, что люди порочны, помни, что пороки людскіе происходятъ больше не отъ нихъ самихъ, а отъ заразительности и силы зла, вѣрнѣе, отъ діавола, отца всякаго зла“. Въ минуту терзающей душевной тоски, когда въ груди кипѣла злоба на жестокость людскихъ сердець, покойный спѣшилъ съ горячею молитвою къ Богу. Покойный во время болѣзни любилъ много читать Евангеліе и по поводу прочитаннаго не разъ велъ съ нами горячія бесѣды и скоро успокоивался. „Искра Божія освѣтила мракъ моей души, говорилъ въ такихъ случаяхъ Н. П. Боже мой! злоба затихла, затихла боль оскорбленнаго сердца, я могу жить, а я былъ на волосокъ отъ смерти! Значить еще: живъ Богъ мой, жива душа моя“. И всякій разъ, какъ покойный жаловался на невыносимую тоску жизни, на болѣзнь души и тѣла, онъ говорилъ: „Боже! поддержи и помоги мнѣ, разрѣши всѣ мои сомнѣнія и муки. Дохни, Господи, животворящей силой Твоей на душу, усталую мою, да встану я, Тобой подъятый! Та же самая покорность Промыслу Божію и вѣра въ проявленіе Божественной любви даже въ несчастіяхъ человѣка видна во всѣхъ его письмахъ, которыя онъ посылалъ своимъ друзьямъ изъ Москвы. Очевидно,

только въ приступы отчаянной душевной тоски и невыразимыхъ сердечныхъ мукъ онъ могъ писать такія слова: „Боже мой! Въдъ и Спаситель страдалъ! Не крестныя муки, не бичеваніе, позоръ и униженіе, а Его страданія въ Геосиманскомъ саду въ послѣдней молитвѣ „да мимо идетъ чаша сія“ поражаютъ меня. Возвыситься надъ слабостію своей природы — вотъ Его Божественное величіе! Боже мой! Если бы я могъ, какъ Спаситель, молиться за вѣхъ!“ „Существуетъ Правосудный Богъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, есть совѣсть — все можно переносить. Ты въ самые ужасные моменты своей жизни не можешь сказать, что Богъ жестокъ: Онъ правосуденъ и любвеобиленъ!“ Вообще, покойный въ религіи видѣлъ, прежде всего, источникъ утѣшенія въ бѣдахъ. — Не удивительно, поэтому, если вѣшняя жизнь, нанося ему ударъ за ударомъ, не загасила въ немъ св. вѣры. Въ глубинѣ своего сознанія онъ всегда оставался свободнымъ и независимымъ въ лучшихъ качествахъ своей души. Въ житейскихъ буряхъ только зрѣла и крѣпла его душа. Невольно припоминаются здѣсь слова поэта печали:

Благодатна...

Всякая буря душъ молодой, —

Зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой!

Съ тѣмъ вмѣстѣ Н. П. былъ человекъ высокой нравственности. Онъ съ самымъ строгимъ анализомъ относился ко всему движеніямъ своей души. Всякое проявленіе порочныхъ наклонностей находило въ немъ строгаго судью. Онъ поставилъ себѣ за правило: постоянно слѣдить за собой, сдерживать дурныя чувства, искать причины своихъ и чужихъ поступковъ, глядѣть всему прямо въ глаза. По его мнѣнію, добрую душу характеризуютъ: скромность, простота, незлобивость, отсутствіе тщеславія, самолюбія. Въ этой характеристикѣ сказывалась прежде всего добрая душа самого Н.

П. Въ человѣкѣ низменныя чувствованія, вытекающія изъ его физической природы, тѣсно связаны съ моральными чувствами. Вотъ почему все грубо-чувственное, низменное, что могло оскорбить нравственное чувство, не имѣло мѣста въ жизни Н. П., насколько мы знали его.

Въ данномъ случаѣ для насъ особенно цѣннымъ является слѣдующее мѣсто изъ письма къ намъ одного изъ близкихъ родственниковъ покойнаго: „но что особенно замѣчательно, что особенно рѣзко бросалось каждому изъ насъ, съ нимъ и за него страдавшимъ, такъ это именно сохраненіе имъ въ бессознательно-сумасшедшемъ состояніи его высоко-нравственной, просто идеальной чистоты. Ни одного неприличнаго выраженія, ни одного непристойнаго движенія не позволилъ онъ до самого конца своей жизни въ своемъ страдальческомъ, сумасшедшемъ положеніи. Не есть ли это плодъ его прежней, всегдашней религіозно-нравственной настроенности и навыка во всемъ только хорошему и честному?“ — Да, несомнѣнно такъ, отвѣтимъ мы на этотъ вопросъ.

Безспорно, только нравственный человѣкъ способенъ къ высокому наслажденію красотою, гдѣ бы она ни проявлялась: въ явленіяхъ-ли природы, или же въ явленіяхъ искусства. Истинной красоты внѣ нравственности мы не признаемъ. Николай же Петровичъ былъ горячимъ поклонникомъ всего изящнаго, эстетичнаго, красиваго, всего, что облагораживающимъ образомъ дѣйствуетъ на душу человѣка. Уже въ послѣдній періодъ своей болѣзни въ Смоленскѣ онъ любилъ ходить въ садъ при мсей квартирѣ, откуда открывается, дѣйствительно, прелестный видъ на Заднѣпровье, и любоваться тою панорамой, которая представлялась его глазамъ. Всѣ пункты, съ которыхъ Смоленскъ и его обрестности являются въ живописномъ видѣ, были любимымъ мѣстомъ прогулокъ покойнаго. Въ природѣ, въ разныхъ ея явленіяхъ: въ тепломъ

весеннемъ воздухѣ, въ голубыхъ небесахъ, въ щебетаньѣ птички ему мерещился, по его же выраженію, „хаосъ радости, счастья, побоя, любви“. Вотъ почему Н. П. о возможности проводить лѣтнія каникулы среди деревенской природы мечталъ, какъ, Богъ вѣсть, о какомъ счастьѣ. О любви Н. П. къ изящнымъ искусствамъ, въ частности къ музыкѣ и поэзіи, мы уже упоминали. О немъ именно можно сказать, что „мечты поэзіи, созданія искусства“ волновали его умъ, даже въ его болѣзненномъ состояніи. Въ минуты досуга, чтеніе произведеній изящной словесности — отечественной и иностранной (особенно покойный увлекался лучшими твореніями французской литературы, читая ихъ въ подлинникѣ) — было любимымъ его занятіемъ. Подавленный душевною болѣзнію, Н. П., тѣмъ не менѣе, продолжалъ слѣдить за литературою и въ письмахъ своихъ къ друзьямъ спѣшилъ извѣстить ихъ о всякихъ литературныхъ новинкахъ, напр., о появленіи въ прошломъ году русскаго перевода поэта Шелли.

Специалистъ-математикъ, Н. П. съ тѣмъ вмѣстѣ былъ разносторонне образованнымъ человѣкомъ. Неустанно мыслящій, онъ постоянно стремился къ самообразованію въ самомъ широкомъ смыслѣ, къ усвоенію всѣхъ отраслей знанія. Были періоды въ его духовной жизни, когда жгучая жажда научной дѣятельности и мучительный страхъ, подъ вліяніемъ несчастно слагавшихся условій жизни, — бесплодно пройти эту жизнь — составляли преобладающее его настроеніе. Отъ природы увлекающійся и страстный, онъ всегда носился съ какимъ нибудь новымъ планомъ, новыми мечтаніями о научной дѣятельности. Въ такихъ случаяхъ онъ могъ приложить къ себѣ слова поэта: „всегда кипитъ и зрѣетъ что нибудь въ моемъ умѣ“. Смотря на языкознаніе, какъ на от-

крытую дверь, ведущую въ царство общечеловѣческой мысли и знанія, покойный массу времени тратилъ на изученіе новѣйшихъ языковъ (древніе языки онъ зналъ не хуже прѣсяжнаго классика), для чего бралъ практическіе уроки у иностранцевъ, живущихъ въ Смоленскѣ, и онъ достигъ того, что свободно изъяснялся по-нѣмецки и по-французски и вполне овладѣлъ англійскимъ литературнымъ языкомъ. Но любимымъ его языкомъ былъ французскій. Съ французскою книгою онъ не разставался ни на минуту. Даже въ семинаріи, въ перемѣны между уроками постоянно можно было видѣть Н. П. шагающимъ изъ угла въ уголь наставнической комнаты и съ увлеченіемъ читающаго или какой-нибудь французскій журналъ, или какого-нибудь французскаго поэта. Богатое знаніе французскаго языка Н. П. приобрѣлъ еще въ студенческіе свои годы, проводя каникулярное время въ образованныхъ семействахъ, каково, напр., семейство профессора Колли, съ которымъ покойный велъ переписку до послѣдняго года своей жизни. Не оставлялъ покойный усердныхъ занятій и математическими науками, о чемъ свидѣтельствуется много оставшихся послѣ его смерти тетрадей, наполненныхъ разнообразными научными замѣтками. По этимъ замѣткамъ можно судить о характерѣ его самостоятельныхъ работъ и о томъ интересѣ, съ какимъ онъ слѣдилъ за каждымъ новымъ изслѣдованіемъ въ специальной области математическаго знанія. Съ авторами такихъ изслѣдованій онъ вступалъ въ письменныя сношенія, высказывая имъ свой взглядъ на ихъ трудъ. И сами авторы, видимо, не безразлично относились къ мнѣнію покойнаго. Такъ, напр., Ковалевскій, составитель извѣстнаго учебника по физикѣ, благодаря въ письмѣ Н. П. за его отзывъ о своихъ трудахъ и

посылая ему новый свой трудъ по физикѣ, „питаетъ надежду, что Н. П. останется доволенъ ученіемъ о магнетизмѣ и электричествѣ“. Жажда знанія особенно проявлялась у Н. П. въ минуты его одиночества. „Самый лучший регуляторъ жизни, говорилъ покойный, это трудъ не изнуряющій и ослабляющій, а трудъ научный, разгоняющій праздныя, мрачныя мысли, ободряющій и укрѣпляющій душу“. Такимъ трудомъ онъ хотѣлъ заглушить сердечныя боли и даже физическія, горевалъ, что болѣзнь мѣшаетъ ему заниматься. Въ такихъ случаяхъ на Н. П. нападали уныніе, неудовлетворенность, какое-то „мятеніе“ любознательности. Но письма профессоровъ Московскаго университета Столѣтова и Жуковскаго успокаивали его. Почтенные профессора старались руководить научными порывами Н. П., ожидая отъ нихъ добраго результата. Они чисто съ отеческою внимательностію просили Н. П. не медлить сдачею магистерскаго экзамена и подачею работы на званіе магистра математическихъ наукъ, рекомендовали ему научныя изслѣдованія, предлагали высылать въ Смоленскъ книги изъ своей библіотеки, вообще, торопились покойнаго, выражаясь словами проф. Столѣтова изъ одного письма его къ Н. П., — „вести въ лабораторію научнаго творчества“. Широко образованный Н. П., конечно, не могъ быть рутиннымъ преподавателемъ — педагогомъ. Его взгляды на высокую миссію преподавателя-воспитателя намъ хорошо извѣстны изъ его неоднократныхъ и горячихъ бесѣдъ съ нами по этому животрепещущему вопросу. Въ этихъ бесѣдахъ онъ заявлялъ себя врагомъ той системы воспитанія, которая основывается на насиліи преподавательскаго авторитета надъ умственною и нравственною жизнію учениковъ. Напротивъ, преподаватель, оставаясь самимъ собою и въ

классѣ, тѣмъ самымъ приобретаетъ довѣренность и откровенность со стороны воспитанниковъ. Тогда послѣдніе уже безъ боязни откроютъ свой внутренній міръ предъ наставникомъ. Тогда воспитанники за теплое, сердечное, и, главное, простое, безъ всякой искусственной рисовки отношеніе къ нимъ наставника отплатятъ ему любовью. А только тотъ и есть истинный педагогъ, кто умѣетъ непосредственно, не гоняясь за дешевою популярностью, за ложнымъ авторитетомъ, привлекать къ себѣ сердца молодежи. Это старая, общеизвѣстная истина. Тамъ-же, гдѣ во взаимоотношеніяхъ учителя и учениковъ царятъ полная довѣренность и любовь — успѣхъ обученія обезпеченъ. Тамъ нѣтъ нужды поднимать уровень познаній учениковъ искусственными и, надо сознаться, иногда и казуистическими приѣмами. Намъ могутъ возразить, что эти принципы воспитанія, безспорно, хороши и доброкачественны, но педагога слѣдуетъ хвалить не столько за его теорію воспитанія и обученія, сколько за практическое примѣненіе этой теоріи. Конечно, мы не слѣдили за Н. П. въ классахъ, не были на его урокахъ, не отрицаемъ также, что его болѣзненное состояніе могло вредить успѣшному осуществленію его педагогическихъ принциповъ, однако не имѣемъ основанія не вѣрить умѣлому примѣненію этихъ принциповъ на дѣлѣ. Мы знаемъ, что Н. П. любилъ наше духовное юношество, не ограничивался рутиннымъ задаваніемъ уроковъ и не менѣе рутинной оцѣнкой отвѣтовъ учениковъ яко бы цѣлительными двойками и единицами. Тѣмъ не менѣе, отвѣты учениковъ на экзаменахъ Н. П. всегда были свободны, сознательны и содержательны. Не можемъ умолчать еще объ одной характерной чертѣ покойнаго Николая Петровича. Мы уже упоминали, что покойный отъ

природы былъ склоненъ къ общительности. Онъ искалъ людей, сочувствовавшихъ его убѣжденіямъ, склонностямъ и воззрѣніямъ на жизнь. И въ Смоленскѣ онъ искалъ знакомства съ интеллигентнымъ обществомъ, въ кругу котораго могъ бы отдохнуть умственно и нравственно, особенно съ момента постигшаго его несчастія. Въ такомъ обществѣ Н. П. любилъ возбуждать оживленные, идейные споры, высказывая свои рѣзко очерченныя мнѣнія и взгляды. Табимъ рисуется предъ нами умственный и нравственный образъ Николая Петровича.

Миръ праху твоему, хорошій и рѣдкій сотоварищъ! Твое имя въ моемъ сознаніи всегда будетъ сопровождаться самыми свѣтлыми воспоминаніями о твоихъ внутреннихъ достоинствахъ.

М. Дроздовъ.

Свѣдѣнія о состояніи Православныхъ русскихъ миссій въ 1892 году, по отчету за означенный годъ Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1892 годъ представляетъ положеніе православнаго благовѣстничества, — какъ въ предѣлахъ Сибири и Европейской Россіи, такъ и въ Японіи, — вообще въ благопріятномъ видѣ за означенный періодъ времени.

Въ Томской епархіи, подъ управленіемъ викарія сей епархіи, епископа Бійскаго Владиміра, состояли въ 1893 г. двѣ миссіи — *Алтайская* и *Киргизская* и два миссіонерскихъ монастыря — мужской и женскій. При 13 станахъ, включая сюда и центральный пунктъ въ Бійскѣ, въ Алтайской миссіи находилось на службѣ всего 67 лицъ. Съ большими трудностями сопряжены были поѣздки проповѣдниковъ, совершаемыя по горамъ и дебрямъ Алтая, съ цѣлію Евангельской проповѣди его населенікамъ — язычникамъ, но эти апостольскіе труды и лишения въ достаточной степени были вознаграждаемы новыми

здѣсь пріобрѣтеніями для Церкви Божіей: въ отчетномъ году 508 человекъ познали ложность прежней своей религіи и пріобщились христіанству. Все вообще православно-христіанское населеніе Алтая въ настоящее время состоитъ изъ 27,553 чел. (1990 инородцевъ и 7563 русскихъ). Но увеличиваясь съ каждымъ годомъ количественно, паства Алтайской миссіи въ то же время постепенно подвигается впередъ и по пути духовнаго возрастанія и преуспѣянія въ нравственно-христіанской жизни; при чемъ могущественными нравственно-воспитательными средствами являются здѣсь — богослуженіе и св. таинства, проповѣдь церковная и внѣцерковная, а также — школы. Всѣхъ школъ въ районѣ дѣйствій Алтайской миссіи въ 1892 г. находилось 38 съ 1223 учащимися. Многоразличнымъ образомъ выражалась и благотворительная дѣятельность Алтайской миссіи, имѣющая столь важное значеніе въ служеніи благовѣстническомъ. Исторгнутые изъ языческой среды и обстановки, оторванные отъ всѣхъ прежнихъ, иногда самыхъ близкихъ, связей и отношеній, новокрещенные во многихъ случаяхъ требовали отъ миссіи и особыхъ попеченій и особыхъ, иногда значительныхъ, расходовъ. Безпріютнымъ и бездомнымъ изъ нихъ надобно было купить бревенчатыя юрты или избы, отпускать хлѣбъ на пропитаніе — или натурою, или же выдавать деньги на его покупку, снабжать ихъ сельско-хозяйственными орудіями, сѣменами на посѣвъ и пр. Не менѣе симпатичною формою выраженія благотворительности въ Алтайской миссіи служить медицинская помощь, которую оо. миссіонеры, въ мѣру доступныхъ имъ средствъ и познаній, оказываютъ безразлично крещеннымъ и некрещеннымъ инородцамъ Алтая; при этомъ нѣкоторые изъ учителей миссіонерскихъ школъ и псаломщиковъ съ успѣхомъ дѣйствуютъ среди инородцевъ въ качествѣ оспопрививателей.

Другая миссія Томской епархіи — *Киргизская* въ 1892 году имѣла въ своемъ составѣ 10 лицъ. Эта миссія существуетъ лишь одиннадцать лѣтъ и, дѣйствуя среди населенія, которому уже привить мусульманскій фанатизмъ, она въ своей дѣятельности еще не скоро будетъ въ состояніи достигать вполне удовлетворительныхъ результатовъ. Въ отчетномъ году было обращено въ христіанскую вѣру изъ магометанства 25 человекъ обоого пола.

Въ Иркутской епархіи находятся двѣ миссіи — собственно *Иркутская* и *Забайкальская*; отчетныя свѣдѣнія за 1892 г.

имѣются только о первой. Подъ главнымъ начальствомъ преосвящ. Агаангела, еп. Киренскаго, втораго викарія Иркут. епархіи, въ Иркутской миссіи въ отчетномъ году находилось на службѣ всего 48 лицъ. Во всѣхъ 18 станахъ миссіи въ 1892 г. просвѣщено св. крещеніемъ 1536 человекъ, а съ присоединеніемъ 275, крещенныхъ въ приходскихъ церквахъ, общій результатъ дѣятельности Иркутскихъ миссіонеровъ выразился въ приобрѣтеніи 1811 новыхъ христіанъ. Что касается почвы, на которой были сдѣланы вышеупомянутыя приобрѣтенія для Церкви Христовой, то въ этомъ отношеніи шаманство представляетъ въ районѣ Иркутской миссіи несравненно болѣе благоприятныя условія для успѣха миссіонерской дѣятельности, чѣмъ ламаиство. Времена господства шамановъ, повидимому, прошли безвозвратно, и молодое поколѣніе язычниковъ относится къ ученію шамановъ весьма скептически. Особенно въ Балаганскомъ краѣ шаманство потеряло всякій кредитъ, и можно съ большою вѣроятностію предположить, что обращеніе въ христіанство всѣхъ Балаганскихъ шаманистовъ совершится въ недалекомъ будущемъ. Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется ламаизмъ въ его отношеніяхъ къ евангельской проповѣди. Ламы энергически стремятся привязать буряты къ буддизму и оттолкнуть отъ христіанства, не гнушаясь при этомъ ложью и обманомъ. „Будда и Христось, учатъ ламы, одно и то же лицо; молитва—*Господи помилуй* и *омманибадмэхомъ*—одна и таже молитва; и у русскихъ и у буряты Богъ одинъ, только вѣра разная; русская вѣра труднѣе, а ламайская легче и т. п.“. Все это распространяется и внушается бурятамъ—очевидно—съ цѣлію показать, что нѣтъ надобности переходить въ христіанство, которое почти ничѣмъ-де не отличается отъ буддизма. И здѣсь, конечно, заключается причина того, что въ числѣ 1811 новыхъ христіанъ Иркутской духовной миссіи находится лишь 429 бывшихъ ламаитовъ. Съ такимъ великимъ трудомъ насаждается христіанство на почвѣ ламаизма... Въ 1892 году Иркутская миссія, а съ нею и вся отечественная Церковь понесла тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося 2 февр. 1892 г. высокопреосвященнаго Веніамина, архіепископа Иркутскаго и Нерчинскаго. Это былъ мужъ глубокаго и многосторонне-образованнаго ума и высоко-подвижнической жизни, всѣ свои богатыя духовныя дарованія положившій на дѣло служенія Евангельскому благовѣстію: онъ мужественно и неутомимо боролся съ препятствіями, какія со многихъ сто-

ронъ воздвигаемы были явными и тайными врагами миссии и, съ Божіею помощію, препобѣждалъ многія изъ сихъ препятствій. Добрый, простой, ласковый и необыкновенно отзывчивый на всякое горе и страданіе ближняго, онъ этими симпатичными чертами своего характера особенно привлекалъ къ себѣ бурятъ, внушая имъ полное довѣріе и глубокое уваженіе къ себѣ и своими простыми, исполненными евангельской простоты и любви бесѣдами, невольно располагалъ ихъ къ принятію христіанской вѣры. За время управленія высокопреосвящ. Веніамина Иркутскою епархіею (1873.—1891) въ одной только Иркутской миссии (кромѣ Забайкальской) было просвѣщено св. крещеніемъ 34,238 человекъ обоаго пола.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Государственная коммиссія погашенія долговъ.

Нумера облигацій *третьяго 4⁰/₀ внутренняго займа* (1891 года), вышедшихъ въ прежніе тиражи и не предъявленныхъ къ оплатѣ до 15 марта 1894 года. Съ тѣхъ чиселъ, мѣсяцевъ и лѣтъ, которые означены въ скобкахъ, облигаціи не приносятъ доходовъ.

Въ 10,000 руб. №: 1213101—1213200, 1214401—1214500 (15 іюня 1893), 1227801—1227900, 1270401—1270500 (15 іюня 1892), 1282701—1282800 (15 іюня 1893), 1285801—1285900 (15 іюня 1892), 1287401—1287500, 1288401—1288500, 1296201—1296300, 1298501—1298600, 1302801—1302900, 1305901—1306000, 1307501—1307600 (15 іюня 1893), 1323201—1323300 (15 іюня 1892), 1325101—1325200 (15 іюня 1893), 1353201—1353300 (15 іюня 1892), 1353301—1353400 (15 іюня 1893), 1394701—1394800, 1397201—1397300 (15 іюня 1892), 1486901—1487000 (15 іюня 1893), 1500501—1500600 (15 іюня 1892), 1520501—1520600 (15 іюня 1893), 1631501—1631600, 1788401—1788500 (15 іюня 1892).

Въ 5,000 руб. №: 845301—845350, 848501—848600 15 іюня 1893, 862101—862150, 874001—874100, 880801—880900 1-го іюня 1892, 883301—883350 15 іюня 1893, 895801—895900 15-го іюня 1892, 898601—898700 15 іюня 1893, 900301—900400 15-го іюня 1892, 908801—908900, 919001—919100, 954501—954600, 990601—990700 15 іюня 1893, 1007101—1007150 15 іюня 1892, 1008501—1008600, 1017501—1017600, 1033251—1033300, 1043001—1043050, 1044551—1044600 15 іюня 1893.

Въ 1,000 руб. №: 241301—241400 15 іюня 1893, 246981—246990, 257401—257410, 257491—257500 15 іюня 1892, 259381—259400 15 іюня 1893, 270811—270900, 290771—290800 15 іюня 1892, 293001—293040 15 іюня 1893, 299711—299760, 299781—299800 15 іюня 1892, 299901—300000, 308331—308400, 309221—309230, 309251—309270 15 іюня 1893, 319301—319400, 324501—324510 15 іюня 1892, 326041—326100 15 іюня 1893, 334201—334230 15 іюня 1892, 337671—337680, 337691—337700, 343601—343650, 343661—343690 15 іюня 1893, 346301—346310, 346341—346350, 346371—346380, 347301—347350, 347361—347370, 347381—347390 15 іюня 1892, 347401—347410, 347421—347500, 352001—352060 15 іюня 1893, 355511—355520, 365081—365100, 367781—367800, 370021—370100, 378031—378100 15 іюня 1892, 378381—378390, 382201—382290 15 іюня 1893, 386401—386500 15 іюня 1892, 391701—391740, 391771—391790 15 іюня 1893, 393601—393670, 396441—396460 15 іюня 1892, 415101—415200, 417901—418000, 432781—432790, 457001—457090 15 іюня 1893, 462641—462660, 462691—462700 15 іюня 1892, 465571—465580, 480801—480820, 480831—480850 15 іюня 1893, 484101—484140 15 іюня 1892, 488301—488400 15 іюня 1893, 491341—491370, 492911—492990 15 іюня 1892, 499501—499550, 534901—535000 15 іюня 1893, 559081—559100 15 іюня 1892, 559501—559510 15 іюня 1893, 578511—578540 15 іюня 1892, 582301—582400, 596101—596120, 596131—596200, 599001—599040, 599051—599060, 599091—599100, 604301—604400 15 іюня 1893, 604511—604560, 604571—604580 15 іюня 1892, 610301—610310, 610331—610340, 610361—610380, 610391—610400 15 іюня 1893, 614601—614610 15 іюня 1892, 644001—644080, 650601—650700, 659701—659710, 669911—670000 15 іюня 1893, 670001—670020, 670031—670070, 676441—676500, 678601—678610, 678621—678640, 678651—678700 15 іюня 1892, 682691—682700, 687701—687730, 687781—687800, 689701—689790 15 іюня 1893, 690231—690280, 690401—690410 15 іюня 1892, 693421—693460 15-го іюня 1893, 694701—694800, 697401—697410 15 іюня 1892, 697531—697600, 699011—699030, 699041—699050, 699071—699100, 707541—707580, 709211—709280, 715901—715910, 715931—716000, 721011—721020 15 іюня 1893, 738701—738710 15-го іюня 1892, 739401—739500 15 іюня 1893, 759941—760000 15-го іюня 1892, 760261—760270, 760281—760300, 782051—782100, 807101—807200, 811101—811160 15 іюня 1893, 814821—814840, 814871—814880, 814891—814900, 819521—819570, 820601—820610, 820651—820700, 829171—829190 15 іюня 1892, 838841—838880, 838891—838900 15 іюня 1893.

Въ 5,00 руб. №: 123206—123255, 123266—123285, 123291—123295 15 іюня 1893, 128101—128115, 128126—128135, 128141—

128150, 128156 — 128160, 128171 — 128200 15 іюня 1892,
132411—132450, 132476—132485, 136601—136640, 136656—
136660, 136671—136690, 136696—136700 15 іюня 1893, 137811—
137815, 137821—137845, 137851—137855, 144701 — 144795
15 іюня 1892, 146436 — 146460, 146491—146500, 154116—
154120, 154141—154165, 154176—154185, 154191—154195 15
іюня 1893, 154536—154545, 154551 — 154560 15 іюня 1892,
167501—167505, 170101—170130, 170141—170150, 170156—
170170, 170176—170185, 171801—171805, 171811 — 171840,
171846—171850, 171861—171865 15 іюня 1893, 177101—177185,
181601—181610, 181626—181635, 181641—181685, 181696—
181700, 182206—182210, 182266—182275, 188521 — 188525,
188531—188535, 188586—188595, 189401—189405, 189436—
189440, 189461—189465, 189496—189500 15-го іюня 1892,
189501—189505, 189611—189700, 199306—199355, 199361—
199365, 199381—199400, 204406—204415, 204446 — 204465,
226306—226310, 226331—226400, 239601—239620, 239631—
239635, 239641—239660 15 іюня 1893.

(Окончаніе будетъ).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

ПО ПОРУЧЕНІЮ ГОСПОДИНА МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ,
СМОЛЕНСКОЕ ОТАДЛЕНІЕ
МОСКОВСКАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ТОРГОВАГО БАНКА

принимаетъ съ 26-го АПРѢЛЯ по 14-е МАЯ влючительно
заявленія владѣльцевъ подлежащихъ выкупу

5% Банковыхъ билетовъ I и II выпусковъ и

5% Облигацій Восточныхъ займовъ II и III выпусковъ,

желающихъ обмѣнить таковыя на вновь выпускаемую ГОСУ-
ДАРСТВЕННУЮ 4% РЕНТУ

на условіяхъ, которыя онубликованы Государственнымъ Банкомъ,

БЕЗЪ ВСЯКОЙ КОММИССИИ.

чествѣ, что, по словамъ очевидцевъ, „такого стеченія народа не встрѣтитъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ“ ⁴⁾).

По случаю храмоваго праздника Курскаго Знаменскаго монастыря совершается празднество 27 ноября. Высочайшимъ указомъ 1853 г. постановлено, чтобы въ 9-ю пятницу послѣ Пасхи, 13 сентября и 27 ноября Курскія присутственныя мѣста были свободны отъ своихъ обыкновенныхъ занятій.

В) *Чудотворная икона Знаменія—Царскосельская.*

Святыня сія сдѣлалась извѣстною въ Россіи со временъ царя *Алексія Михайловича* (1645—1676 г.). Она принесена ему въ даръ однимъ изъ Константинопольскихъ патріарховъ, и съ того времени эта св. икона сдѣлалась особенно почитаемою въ царствующемъ домѣ. Императоръ *Петръ I*-й, перенося свою столицу изъ Москвы въ С.-Петербургъ, перенесъ въ числѣ прочихъ драгоценностей и св. икону *Знаменія Божіей Матери*. Съ тѣхъ поръ всѣ наши монархи и ихъ царствующій домъ во всѣхъ семейныхъ событіяхъ и народныхъ бѣдствіяхъ не перестаютъ обращаться къ иконѣ Богоматери за ея благословеніемъ и чудесною помощію. Такъ, въ 1771 г., когда въ Москвѣ и ея окрестностяхъ свирѣпствовала чума, Императрица *Екатерина II* особенно часто и усердно молилась предъ иконою *Знаменія Божіей Матери*, и губительная болѣзнь прекратилась въ древней столицѣ. Въ 1820 и 1863 гг. бывшіе въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ пожары угрожали совершеннымъ уничтоженіемъ царскихъ чертоговъ, но, чрезъ усердную молитву къ иконѣ Богоматери—въ первый разъ Императора *Александра I* и во второй—Императора *Александра II*,

⁴⁾ Истор. извѣстіе о явлен. чудотв. Кур. иконѣ Знамен. Б. М. 1844 г.

пожаръ былъ прекращенъ. Въ 1831 и 1848 гг. свирѣпствовавшая во всѣхъ концахъ Россіи холера, а также въ Петербургѣ и окрѣжающихъ его мѣстностяхъ, Царскаго Села не коснулась, и всѣ жители его признавали свое избавленіе проявленіемъ чудотворной силы отъ иконы Знаменія Богородицы, предъ которою они постоянно и усердно молились во время угрожавшей имъ опасности.

Много совершается и донынѣ чудотворныхъ знаменій отъ этой благодатной святыни. Милосердая Владычица проявляетъ одинаково благодатную силу чрезъ Свою св. икону какъ въ общенародныхъ бѣдствіяхъ, такъ и въ жизни частныхъ лицъ. Для подтвержденія сказаннаго, изъ множества частныхъ случаевъ приведемъ здѣсь хотя одинъ слѣдующій примѣръ:

Проживавшая въ Петербургѣ Смоленская помѣщица *Е. И. Дудинская* имѣла сына, флотскаго офицера, которому по службѣ слѣдовало отправиться въ Черное море на корабль *Ингерманландъ*. Предъ отправленіемъ сына, Дудинская нарочно пріѣзжала въ Царское Село, чтобы отслужить о его здравіи и благополучіи молебенъ предъ иконою Знаменія Божіей Матери. По окончаніи молебна, Дудинская, ставъ на колѣна предъ иконою, воскликнула въ слезахъ: „Царице Небесная! Тебѣ поручаю сына моего, и на Тебя вся моя надежда: Ты возвратишь мнѣ его и со дна моря“!.. Во время плаванія корабль этотъ былъ застигнутъ страшною бурей и подвергся крушенію, такъ что весь экипажъ его былъ поглощенъ волнами. Въ числѣ погибшихъ и сынъ Дудинской былъ выброшенъ за бортъ. Сознывая неизбѣжную гибель, онъ подъ водою вдругъ вспомнилъ о св. Царскосельской иконѣ и изъ глубины души воззвалъ къ Ней: „Царица Небесная! Мать моя просила Тебя обо мнѣ, — спаси меня для нея“. Вдругъ волна морская такъ сильно ударила его, что онъ лишился чувствъ; когда же пришелъ въ сознаніе, то

увидѣлъ себя на берегу морскомъ и благоговѣнно возблагодарилъ Милосердную Владычицу за чудесное спасеніе. Мать и сынъ съ вѣрою призывали на помощь милосердіе Матери Божіей, и не посрамилась ихъ надежда ¹⁾.

Свидѣтельствомъ глубокаго благоговѣнія и высокой признательности вѣрующихъ къ Царскосельской святынь служатъ безчисленные дары со стороны Царской Семьи и отъ православнаго народа на ея украшенія. Не смотря на весьма значительные размѣры (ок. 2 арш. длин. и 1½ арш. шир.), Царскосельская икона Знаменія Божіей Матери на столько богато украшена, что едва-ли можно встрѣтить еще другую икону, подобную ей по цѣнности и изяществу украшеній; едва-ли встрѣтится еще на другой иконѣ столько чистаго золота, серебра, жемчуга, драгоценныхъ камней и дорогого шитья по тканямъ, какъ среди украшеній сей св. иконы. „Трудно исчислить всѣ пожертвованія и еще труднѣе оцѣнить ихъ“, говорится въ одномъ описаніи украшеній Царскосельской иконы Знаменія Божіей Матери ²⁾.

XVI.

Козельщанская икона Божіей Матери.

Икона эта издавна была семейною святынею графа Владиміра Ивановича *Капниста*, имѣніе котораго находится въ Полтавской губерніи, Кобелякскаго уѣзда, въ деревнѣ *Козельщинь*, и издавна пользовалась славою чудотвореній. Къ ея благодатной помощи въ особенности не рѣдко прибѣгали молодыя дѣвицы, желавшія устроить свое семейное положеніе. При этомъ установился обычай, чтобы молящійся чистилъ

¹⁾ 510—511 стр. С. Снеissor.

²⁾ 506 стр. С. Снеissor.

ризу на св. иконѣ, вытирая ее осторожно ватой, или чистымъ полотенцемъ. Отчего риза на этой иконѣ всегда была чиста и герѣла, какъ солнце. Размѣръ иконы небольшой: 8 вершк. длины и 6 вершк. ширины. На иконѣ изображена Божія Матерь, на колѣняхъ которой въ полулежащемъ положеніи покоится Предвѣчный младенецъ, держащій въ правой рукѣ крестъ. Въ сторонѣ отъ изображенія стоитъ чаша и около нея лжица. Можно предполагать, что художникъ помѣстилъ около Предвѣчнаго младенца эти изображенія, имѣя въ виду указать на Него, какъ будущаго установителя таинства св. причащенія. Иные же, объясняя мысль рисунка, говорятъ, что икона написана на стихъ акаѳиста: „Радуйся чаше, черплющая радость“¹⁾.

Особенную извѣстность эта св. икона приобрѣла съ 1881 года, послѣ полученнаго отъ нея чудеснаго исцѣленія больной дочери гр. Капниста, а также и другихъ многочисленныхъ чрезъ нее исцѣлений.

Въ 1880 г. графъ Капнистъ, семейство котораго состояло изъ жены, сына и трехъ дочерей, получилъ предъ великимъ постомъ извѣстіе отъ начальницы Полтавскаго института, что обучавшаяся въ немъ одна изъ его дочерей—*Марія* заболѣла и желаетъ видѣть отца своего, или мать. Графъ немедленно отправился въ Полтаву и, по приѣздѣ своемъ, засталъ дочь свою, дѣйствительно, больною. Отъ врача, ея свидѣтельствовавшаго, онъ узналъ, что она получила вывихъ въ ступнѣ ноги, но что болѣзнь эта не представляетъ ничего серьезнаго. Но на самомъ дѣлѣ оказалось иначе. Вслѣдъ, за болѣзнь одной ноги присоединилась болѣзнь и другой, а затѣмъ послѣдовала болѣзнь и въ обѣихъ рукахъ. И руки

¹⁾ Семейное преданіе объ иконѣ, взятое изъ записной книги графа Капниста. (Смotr. Прилож. къ кн. Земн. жизнь Бож. Матер. Діак. Никольскаго. Москва. 1889 г.).

и ноги ея потеряли всякую чувствительность. Уколовъ больная не чувствовала никакихъ, какъ въ вистяхъ рукъ, такъ въ обѣихъ ногахъ, отъ ступней до колѣна. Прежде больную лѣчили въ Харьковѣ, затѣмъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ; но ничто не помогало. Слѣдившій за ея болѣзнію докторъ Ивановъ нашелъ, что болѣзнь находится во всемъ ужасающемъ развитіи. Онъ открылъ вывихъ въ плечевыхъ суставахъ и въ лѣвомъ бедрѣ и, кромѣ того, нашелъ поврежденіе спинного мозга. Больная сдѣлалась до того нервною и чувствительною, что всякій стукъ, громкая рѣчь и т. п. производили въ ней болѣзненное ощущеніе. Докторъ совѣтовалъ отцу вести больную на зиму въ Москву, или въ Петербургъ, или еще лучше въ Парижъ для совѣта съ тамошними врачами.

Въ октябрѣ семейство графа было уже въ Москвѣ, но оказалось, что и тамошніе знаменитые врачи не могли найти соотвѣтствующей помощи больной дочери графа Капниста. Больная просила отца и мать отвезти ее опять въ Малоросію. Состояніе родителей было тяжелое; безотрадная тоска давила ихъ сердце, какъ это видно изъ писемъ графа къ своимъ роднымъ ²⁾). Они рѣшили жить по прежнему въ имѣніи и ожидать кончины больной дочери.

Но въ то время, когда по видимому были напрасны все средства для облегченія больной, когда у одра ея все искусство современной медицины явно оказалось безсильнымъ, явилась на помощь невидимая, непостижимая сила Божія.

Больная дочь графа, по прибытіи въ имѣніе и домъ родителей, была встрѣчена прежними друзьями и преданной прислугой, которые употребляли все свое стараніе, чтобы услужить больной и доставить возможное съ ихъ стороны развлеченіе и облегченіе. Въ 21 день м. февраля 1881 г.

²⁾ Тавр. Еларх. Бзд. № 13, стр. 723.

въ домѣ графа были гости. Шла у нихъ дружеская бесѣда, но самого графа при этомъ не было; онъ находился въ Москвѣ. Въ то самое время, когда, по видимому, и сама больная, забывъ свое тяжелое положеніе, поддавалась общему настроенію мирной бесѣды, получена была изъ Москвы отъ отца телеграмма, призывавшая ее ѣхать въ столицу, для свиданія и совѣта съ знаменитымъ врачомъ Шарко, прибывшимъ изъ Парижа. Такое извѣстіе не обрадовало, впрочемъ, больную. Полученная телеграмма опять напомнила о ея тяжеломъ положеніи. Но отказать отцу было невозможно. Глаза больной полны были слезъ. Мать ея, спѣша исполнить желаніе мужа, сейчасъ-же ушла въ другую комнату, чтобы приготовить все нужное для предстоящаго пути, и затѣмъ позвала къ себѣ больную. Оставшись съ нею наединѣ, она указала ей фамиліный образъ Божіей Матери и сказала: „Маша, мы ѣдемъ въ Москву. Возьми, дорогая моя, тотъ образъ, почисти ризу Божіей Матери и помолись предъ общей Заступницей нашей. Путь предстоитъ намъ длинный и дѣло серьезное. Проси Матерь Божию совершить путь благополучно, и да вразумитъ Она врачей облегчить твою болѣзнь“. Покорная дочь безпрекословно исполнила желаніе матери, съ благоговѣніемъ взяла образъ и задумалась предъ нимъ. Всѣ печальныя событія, съ нею случившіяся: тяжкая болѣзнь, горе родителей, ихъ слезы и заботы о ней и безсиліе врачей, не принесшихъ ей никакой пользы,—все это живо ей представилось. Неужели же вѣчное колѣчество и вѣчныя страданія, думала она? Крѣпко прижала она держимый ею образъ къ груди своей и стала просить у Божіей Матери послать ей исцѣленіе. Искренняя молитва больной была услышана; надъ нею совершилось чудо всемогущества Божія, о которомъ радостная вѣсть впоследствии разнеслась по всей православной Руси.

Во время молитвы, больная вдруг сознала, что съ ней дѣлается что-то необыкновенное. Въ ногахъ и оконечностяхъ своихъ рукъ, до тѣхъ поръ лишенныхъ всякаго ощущенія, она почувствовала присутствіе жизни и силы, и ощущеніе было на столько сильно, что больная, забывая о своемъ болѣзненномъ положеніи, громко произнесла: „Мама, мама! я чувствую свои ноги! Мама, я чувствую свои руки“... И въ порывѣ необычнаго восторга она начала ходить твердо и спѣшно. Всѣмъ этимъ мать вначалѣ была такъ поражена, что не знала — что и дѣлать. Окрѣпшій вдругъ голосъ дочери, необычная ея радость, быстрыя ея движенія, свѣтлое выраженіе ея лица, — все это поразило мать, и ей казалось, что дочь ея наконецъ лишилась и разсудка... На крикъ обрадованной больной, на вопли взволнованной матери сбѣжались всѣ, бывшіе въ домѣ, и глазамъ ихъ представилась дивная картина. Разслабленная въ полномъ смыслѣ до того времени, дѣвица явилась предъ всѣми здоровою, и на ногахъ крѣпкою, ходившею по комнатамъ съ цѣлю увѣрить всѣхъ и каждаго, что она уже здорова, болѣзнь ее оставила. Немедленно приглашенъ былъ священникъ для совершенія благодарственнаго молебствія предъ иконою Божіей Матери. Исцѣленная дочь, утѣшенная мать, гости и вся прислуга, — всѣ съ чувствомъ вѣры, радости и благодарности молились предъ ликомъ чудотворной иконы Богоматери.

На другой день послѣ совершившагося чуда, 22 февраля, графиня К., хотя и не имѣла нужды видѣться съ врачами, но, какъ бы по внушенію Промысла Божія, рѣшила не отлагать поѣздки въ Москву съ выздоровѣвшею своею дочерью, чтобы совершившееся надъ больною чудо, представъ предъ глазами врачей, признавшихъ болѣзнь неизлечимою, получило еще болѣе силы и достовѣрности. При отправкѣ въ Москву взять былъ и образъ Богоматери. Графъ встрѣтилъ

свое семейство на вокзалѣ. Восторгу и чувству радости отца не было предѣла. Увѣрившись въ совершившемся дивномъ чудѣ, графъ представилъ свою дочь въ Москвѣ крѣпкою и свѣжею предъ тѣми самыми врачами, которые незадолго до этого признавали болѣзнь ея серьезною и даже неизлѣчимою.

Вѣсть о совершившемся чудѣ обошла всю Москву. Жители столицы начали осаждать квартиру графа, съ цѣлію поклониться образу Божіей Матери. Органы печати начали разносить молву по всей Россіи, и чудо исцѣленія больной дочери графа Капниста, по видимому, тихо совершившееся въ семействѣ, стало достояніемъ вѣрующаго народа не только первопрестольной столицы, но и всей Россіи.

Семейство графа возвратилось въ домъ, въ свое имѣніе, въ мартѣ мѣсяцѣ того же года. вмѣстѣ съ семействомъ, возвратился и образъ *Козельщанской Божіей Матери*, вѣсть о коемъ и о чествованіи онаго въ Москвѣ разнеслась и по всей окрестности имѣнія графа. Толпы поклонниковъ начали стекаться въ деревню графа. Хранить образъ въ домѣ не было никакой возможности. Поэтому семейство графа, глубоко уважая въ народѣ святое чувство вѣры, которымъ преисполнено было и само, для предупрежденія всѣхъ случайностей, обратилось къ мѣстному — Полтавскому Преосвященному съ просьбой — дозволить устроить въ своемъ саду временную часовню и въ ней поставить образъ Божіей Матери для народнаго чествованія. Разрѣшеніе послѣдовало, и часовня была устроена. Въ ней поставленъ былъ образъ Божіей Матери, чѣмъ доставлено было народу утѣшеніе молиться предъ общею Заступницею всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ.

Съ перваго же дня, по перенесеніи иконы въ часовню, толпы народа — поклонники не переставали смѣняться новыми и новыми толпами. Каждый день отъ ранняго утра и далеко

за полдень не умолкало предъ образомъ молебное пѣніе и чтеніе акаѣстовъ. Два приходскіе священника чередовались, совершая предъ образомъ священное молитвословіе. Не проходило дня, въ теченіе коего сотни поклонниковъ не молились бы предъ иконой. Въ кружку, выставленную у иконы на построеніе храма, вмѣстѣ съ свѣчною кружкою, поступали тысячи рублей. Кромѣ того, много денежныхъ писемъ присылалось на имя графа и настоятеля приходской церкви. И какъ среди образованной публики, посѣщавшей деревню Козельщину, слышны были желанія и отзывы видѣть при новомъ храмѣ: пріютъ для бѣдныхъ и увѣчныхъ, больницу и школу, то и рѣшено было все это предпринять и устроить. Въ числѣ пожертвованій присылались церковные сосуды, кресты, евангелія, подсвѣчники, облаченія и даже колокола.

Но, вмѣстѣ съ пожертвованіями, стали на имя графа Капниста и церковнаго причта присылаться многократныя заявленія и отъ частныхъ лицъ и отъ приходскихъ священниковъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, полученныхъ больными и страждущими у иконы Божіей Матери, находящейся въ Козельщинѣ. Всѣ эти заявленія, по распоряженію епархіальнаго начальства и гражданской власти, были провѣрены на мѣстѣ уполномоченными лицами и признаны за несомнѣнныя проявленія благодатной помощи Царицы Небесной.

8 сентября 1881 г. совершена была закладка церкви въ честь *Рождества Пресвятыя Богородицы*, а 6 сентября 1882 г. былъ уже освященъ главный престолъ новостроеннаго храма Полтавскимъ Преосвященнымъ Іоанномъ; затѣмъ, 9 числа того же мѣсяца, по благословенію Преосвященнаго, былъ освященъ и придѣльный престолъ во имя св. равноапостольной *Маріи Магдалины*. Въ новоосвященный храмъ перенесена была и чудотворная икона Божіей Матери. Въ 1884 г. къ новоустроенной церкви былъ назначенъ отдѣль-

ный самостоятельный причтъ, состоящій изъ настоятеля — протоіерея, священника, діакона и двухъ псаломщиковъ, при чемъ установился при церкви постоянный и неизмѣнный порядокъ въ богослуженіи.

Въ 1885 г., апрѣля 29 дня, указомъ Св. Синода при Козельщанской Рождество-Богородичной церкви открыта женская община, съ присвоеніемъ ей названія: „Община Богородице - Рождественская“. Начальницею новооткрытой общины назначена была бывшая воспитательница женскаго училища Золотоношскаго Красногорскаго монастыря, монахиня *Олимпиада*, которая и прибыла на мѣсто своего назначенія въ Козельщину съ двадцатью послушницами, изъявившими согласіе на перемѣщеніе ихъ изъ монастыря въ новообразовавшуюся общину ³⁾. Съ 1891 г. Козельщанская община возведена въ общежительный монастырь, съ наименованіемъ его Рождество-Богородичскимъ. Игуменіею монастыря Св. Синодомъ назначена монахиня *Агнія*, бывшая начальница общины. Вѣрующій же народъ не пересталъ и до настоящаго времени не перестаетъ посѣщать новую обитель и своими приношеніями высказывать предъ иконою Божіей Матери свое усердіе и свою вѣру въ Ея благодатную чудодѣйственную силу.

XVII.

Теодоровская-Костромская икона Божіей Матери.

Теодоровская-Костромская икона Божіей Матери называется также *Одигитрія*. На иконѣ Матерь Божія имѣетъ изображеніе поясное; на Ея пречистыхъ рукахъ помѣщается Богомладенецъ. По преданію, икона эта написана св. евангелистомъ Лукою ¹⁾. Въ XII вѣкѣ находилась она въ Городецкомъ монастырѣ, Нижегородской губерніи, устроенномъ

³⁾ Прилож. къ книг. жизнь Пресв. Богор. діак. Никольскаго; Воскр. Чт. 1892 г.

¹⁾ Сказаніе объ иконѣ Теодоровской Богоматери и служба ея въ Истор. Вѣд., изъ хранилища Погодина, въ рукоп. подъ № 934.

вняземъ *Георгіемъ Всеволодовичемъ* въ 1164 г. подлѣ г. Городца ²⁾). Но, по разрушеніи сего города и вмѣстѣ монастыря татарами, икона эта въ 1239 г. 16 августа явилась за городомъ въ лѣсу Костромскому князю *Василію Георгіевичу*, который былъ тамъ на охотѣ. Нынѣ эта икона находится въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ, богато украшенная дарами царя *Михаила Феодоровича* и благочестивой матери его инокини *Марыи Иоанновны*. Икона называется *Феодоровскою* потому, что она въ Городецкомъ монастырѣ находилась въ церкви св. великомученика *Феодора Стратилата*, а равнымъ образомъ и въ Костромѣ, до построения нынѣшняго Успенскаго собора, помѣщалась въ прежнемъ соборномъ храмѣ во имя святаго же Феодора Стратилата; — *Костромскою* же она стала называться со времени перенесенія ея въ Кострому.

Три раза истребляемы были пламенемъ огня тѣ храмы, въ которыхъ находилась эта святая икона, и всякій разъ оставалась она цѣлою и неповрежденною ³⁾). Во время нашествія татаръ, городу Костромѣ угрожала неминуемая опасность разоренія; но, по желанію благочестиваго князя и жителей города, св. икона Богоматери поднята была изъ собора и съ молебнымъ пѣніемъ внесена въ ряды воиновъ. — И когда тѣ и другія войска сошлись, татары обнажили мечи и напрягли луки, — отъ чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы внезапно возсіяли божественные и пресвѣтлые лучи, свѣтлѣе солнечныхъ, и, какъ огонь попадающій, устремились на полки татаръ и пожигали ихъ. Враги смѣшались, не выдержавъ блеска и пламени лучей; страхъ и трепеть овла-

²⁾ Истор. свѣдѣн. о Городецкомъ монастырѣ. Москва 1843 г.

³⁾ Одинъ храмъ истребленъ былъ пожаромъ во время нашествія Батяи, вмѣстѣ съ г. Городцемъ, и затѣмъ уничтожены были огнемъ два соб. храма въ Костромѣ, существовавшіе однакъ послѣ другаго до построения нынѣшняго Успенскаго собора.

дѣли ими; они стали поражать одинъ другого и поспѣшно обратились въ бѣгство. Матерь Божія чудеснымъ образомъ спасла Кострому. Много знаменій и чудесъ отъ сей св. иконы было и другихъ; но она должна быть священна для всего русскаго народа потому особенно, что предъ ея священнымъ ликомъ родоначальникъ нашего Царскаго Дома *Михаилъ Θεодоровичъ Романовъ*, послѣ продолжительныхъ колебаній, изъявилъ, наконецъ, свое согласіе на вступленіе на Русскій престолъ.

Когда отечество наше, послѣ самозванцевъ, освободилось отъ внѣшнихъ враговъ, и выборные со всей русской земли, собравшись въ Москву, единогласно избрали въ цари юнаго *Михаила Θεодоровича*, онъ въ это время съ матеріею своею — инокинею *Марѳою* находился въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ. Для объявленія состоявшагося избранія, во главѣ Рязанскаго архіепископа *Θеодорита*, отправлено было въ Кострому почетное посольство съ Владимірскою иконою Богоматери, образомъ великихъ Московскихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія и Іоны, и съ грамотою, въ которой чины государства, призывая на царскій престолъ *Михаила*, умоляли его слѣдующими словами: „Русская держава безъ короля, вѣнецъ ея осиротѣлъ; отечество рыдаетъ, не имѣя отца. Приди къ намъ, сладчайшая надежда всей земли русской, Царь, по сердцу всего народа избранный“.

Послы, сопровождаемые толпами народа, были встрѣчены Костромскимъ духовенствомъ съ честными крестами и чудотворною иконою *Θеодоровской Богоматери*, и всѣ вмѣстѣ слѣдовали въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ пребывала инокиня *Марѳа*. *Михаилъ* въ сопровожденіи своей матери вышелъ на встрѣчу имъ за святыя ворота. Онъ приложился ко кресту и св. иконамъ, принялъ благословеніе архіепископа *Θеодорита*, но отказался принять царскій престолъ.

равнымъ образомъ и мать его, страшась за сына, не хотѣла отпустить его на престоль. Долго умоляль архіепископъ со всѣмъ соборомъ, но мать и сынъ оставались непреклонны. Мать плакала и говорила: „Мнози прежде бывшіе цари обругаемы бяху, а иви и чуждую землю познаша... Молю васъ: не лишите мене едиnorodнаго чада“ ⁴⁾.

Тогда архіепископъ взялъ въ руки икону Богоматери, а Троице-Сергіевскій влючарь Авраамій — образъ св. Московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Юны, и поднесли св. иконы къ Марѣ и сыну ея Михаилу Ѳеодоровичу и сказали имъ: „Если не склоняетесь на милость ради насъ, по крайней мѣрѣ ради чудотворнаго образа Царицы всѣхъ и Богоматери и ради великихъ святителей не преслушайте и сотворите повелѣнное вамъ отъ Бога. Не прогнѣвайте всѣхъ Владыку и Бога“ ⁵⁾.

При видѣ lika Богоматери, инокиня Марѣа была глубоко тронута, поверглась предъ иконою и долго молилась, потомъ подвела сына къ иконѣ, благословила его и сказала: „Тебѣ, Владычице, поручаю сына моего! Да будетъ Твоя святая воля надъ нимъ“ ⁶⁾. Избранный царь немедленно былъ возведенъ на престоль. Это происходило въ 1613 г. 14 марта, и потому въ этотъ день постановлено праздновать Ѳеодоровской иконѣ Богоматери ⁷⁾.

Съ Ѳеодоровскою-Костромскою иконою, столь славною въ отечественной нашей исторіи, ежегодно бываютъ крестные ходы: въ день Пятидесятницы въ Ипатіевскій монастырь, а 16 августа въ Спасо-Запруденскую церковь, построенную

⁴⁾ Сказаніе Аврамія Палицына, изд. въ Москвѣ въ 1784 г., См. также подробную записку о Москов. посольствѣ къ новоизбранному царю, напеч. во 2 ч. истор. Росс. іерарх. Росс. Вивліогр. ч. VII, гл. 4. Дворц. разр. т. I Козловскаго взглядъ на исторію Костромы, 1840 г. От. Зап. 1820 г. мая 1 № 1, о Ипатіев. монастырѣ.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ и ⁷⁾ Смотр. тамъ же.

на мѣстѣ ея явленія князю Василю Георгіевичу. Эта чудотворная икона привлекаетъ къ себѣ отсюду множество богомольцевъ.

XVIII.

Чудотворная икона Ильинской-Черниговской Божіей Матери.

Икона сія находится въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ, близъ Чернигова, на Болдиной горѣ. Она написана въ 1658 г. монахомъ Геннадіемъ, который до монашества назывался Григоріемъ Константиновичемъ Дубенскимъ ¹⁾. Богоматерь изображена на иконѣ въ поясъ; ликъ Ея написанъ въ греческомъ стилѣ. Богомладенецъ покоится на лѣвой рукѣ Приснодѣвы, съ благословляющею правою рукою, а въ лѣвой Его рукѣ находится свитокъ. На главахъ Богоматери и Богомладенца находятся царскія короны.

При архіепископѣ Черниговскомъ Лазарѣ Барановичѣ и игуменѣ Ильинскаго монастыря Зосимѣ, въ 1662 г. отъ сей иконы, въ знаменіе милосердія, текли слезы въ продолженіе восьми дней съ 16 до 24 апрѣля. Свидѣтелями такого чуда были почти всѣ жители Чернигова ²⁾. Вскорѣ послѣ этого, въ томъ же 1662 г., татары сдѣлали набѣгъ на Черниговъ и разорили всѣ окрестныя селенія; но иноки Ильинскаго монастыря ничего не знали о близкой опасности. Ночью дошло до нихъ это извѣстіе; они поспѣшили въ церковь и усердно со слезами молились предъ иконою Небесной Заступницѣ, затѣмъ поспѣшили скрыться въ Антоніевой

¹⁾ О достоп. Черниг. Чт. Имп. Общ. Ист. и др. годъ 3, № 1.

²⁾ Руно орошени. Чудо 1.—Дни Богосл. Дебол.

пещерѣ. Въ полночь ворвались татары въ монастырь, ограбили церковь, взяли церковную утварь, но чудотворная икона со всѣми драгоценными украшеніями осталась неприкосновенною: невидимая сила не допустила варваровъ коснуться святыни; та же невидимая сила не допустила ихъ войти и въ пещеру, гдѣ скрывались иконы, хотя татары много разъ покушались на это, подбѣгая съ зажженными лучинами и обнаженными мечами. Внезапно, испуганные непостижимымъ видѣніемъ, они обратились въ бѣгство ³⁾).

Святой Димитрій Ростовскій, заключая свою книгу: „Руно орошенное“, въ которой онъ исчислилъ 24 чуда отъ иконы Богоматери Ильинской - Черниговской, говоритъ: „конецъ книжки, но не чудесь Пресвятой Богородицы, — кто бо я исцелити можетъ“ ⁴⁾).

Празднество образу Пресвятой Богородицы Ильинской-Черниговской совершается 16 апрѣля и вторично — 10 марта ⁵⁾).

XIX.

Черниговская икона Божіей Матери въ Геосиманскомъ скиту.

Мѣстность, занимаемая Геосиманскимъ скитомъ, принадлежитъ къ числу живописнѣйшихъ окрестностей Свято-Троицкой Сергіевой лавры. Къ сѣверу отъ Геосиманскаго скита находится скитъ и Черниговской Божіей Матери, отдѣленный отъ перваго однимъ только прудомъ. Всякій, побывавшій у мощей преп. Сергія, старается посѣтить и этотъ скитъ, или, по общему выраженію, „побывать у Черниговской“.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Изобр. иконъ и свѣд. о монаст. Ратшина стр. 541.

Въ скиту Черниговской Богоматери находятся пещеры и пещерный храмъ въ честь архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ Силъ, освященный приснопамятнымъ митрополитомъ Филаретомъ 27 сентября 1851 года. Въ этомъ-то храмѣ и находится чудотворная икона Черниговской-Ильпн-ской Божіей Матери, принесенная въ даръ въ 1852 г. въ пещерную церковь дѣвицею Александрою Григорьевною *Филипповой*.

Для поклоненія св. иконѣ нужно спуститься темнымъ корридормъ внизъ ступней на 12. Вступивъ въ храмъ, богомолецъ бываетъ пораженъ свѣтомъ множества свѣчей предъ чудотворной иконой, помѣщающейся съ лѣвой стороны бронзоваго иконостаса. Здѣсь вѣрующіе постоянно служатъ молебны, прося небесной помощи Матери Божіей, въ первый разъ проявившей благодатную силу отъ Своей иконы 1 сентября 1869 г. надъ 28-лѣтнею женою крестьянина Тульскаго губерніи Оеклою Адриановою. Эта женщина болѣе 9-ти лѣтъ была въ разслабленіи, лежала на одномъ боку неподвижно и не могла дѣйствовать ни руками, ни ногами, ни поднять головы, — словомъ — это былъ живой мертвецъ. Послѣ поѣздки по разнымъ св. мѣстамъ, она привезена была въ скитъ и внесена въ пещерную церковь, гдѣ во время молитвы предъ Черниговскою иконою Богоматери внезапно получила исцѣленіе и стала на ноги. Съ того времени отъ чудотворной иконы Царицы Небесной неистощимою струею истекають исцѣленія. Икона украшена отличной серебряной филиграновой ризой, съ позлащенными и осыпанными драгоценными камнями коронами; у Богоматери находится брилліантовый фермуаль на десной рукѣ. Все это пожертвовано на икону вкладчицею Филипповой и княземъ Грузинскимъ въ благодарность за чудесное исцѣленіе